

С ДНЕМ
РОЖДЕНИЯ
ТЕБЯ,
КОМСОМОЛ!

Костёр
10
ОКТАБРЬ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1973 г.

ПИОНЕРСКИМИ МАРШРУТАМИ

**ОНА НИКОГДА
НЕ ОТДАСТ
ФАШИСТАМ
СВОЕГО
КРАСНОГО
ГАЛСТУКА**

2

**Пусть я буду
для вас
Родригес**

14

**„СЕВЕРНЫЙ
ОЛЕНЬ“ ИЗ
СЫКТЫВКАРА**

50

На обложке
плакат
художников
Л. Непомнящего и
И. Овасопова

Урок на СВОБОДНУЮ ТЕМУ

Е. Серова

Рисунки Г. Ясинского

Глеб Романович, историк,
Чуть прищутив глаз,
Слушал, как бурлит и спорит
Самый трудный класс.

Был с учащимися строг он,
Но, случилось, им
Выбрать тему для урока
Предлагал самим.

Было так и в этот раз —
Думай, думай, трудный класс!

Предлагает тему Костя.
Тема — будь здоров!
«В Ленинград явились гости
Из других миров.
Что сначала показать им,
Нашим звездным братьям?»

Первым высказался Вася,
Самый лучший физик в классе:

— Ну с чего начать, ребята,
Это ясно всем:
Показать сперва им надо
Наши ЭВМ.

Посложней задать программы,
Показать, что мастера мы,

Что контакты
с Землей
обязательны!

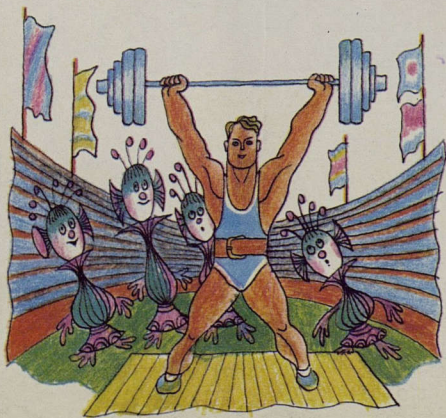
Но известная спорщица Томка,
Вздернув носик, сказала
негромко:

— Не разум важен, а чувство!
Людей сближает искусство.

Я бы наших неожиданных друзей
Потащила в Русский музей.
Я бы Звездного Капитана
Повела смотреть Левитана:
Окунуться в золото осени,
Поглядеться в таинственный
пруд...
Не глупее ведь нас небось они,
Обязательно все поймут!

— Стойте! — вдруг прорвало
Свету,
Непоседу, егозу, —
Если дело будет к лету,
Я их за город свезу.

Покажу я им фиалки
В первой утренней росе,
И мальчишек на рыбалке
Покажу во всей красе.

Скажет, уском-антенной
Благодушно шевеля,
Самый Главный и Почтенный:
— Это добрая Земля! —

— Нет, в Музей революции, братья,
Повести их надо сначала.
Им без этого не разобратся,
Почему так радостно стало.

Прогуляться с ними по улицам, —
Пусть на Смольный они полюбуются,
Подойдут к легендарной «Авроре»... —
Это классный философ Боря.

Встал Иван, по кличке Грозный,
(Он по боксу чемпион!):
— Надо этих самых звездных
Повести на стадион.

Надо непременно
Показать спортсмена,
И при этом лучшего —
Стройного, могучего!

Мы и сами-то замрем,
С восхищением глянem.
Скажут Звездные о нем:
— О-о! Хорош Землянин!

— Бросьте! — крикнул вдруг
Никита, —

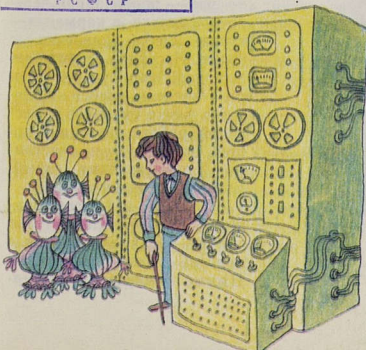
Что мы так галдим?
Глеб Романыч, что бы вы-то
Показали им?

Глеб Романыч хитровато
Поглядел на класс:
— Я, пожалуй что, ребята,
Показал бы... вас.

Рисунки Г. Ясинского

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

До сих пор в маленьком городке на бывшей немецко-литовской границе многие взрослые люди хорошо помнят одного советского пограничника.

Он часто появлялся на улицах со своей собакой, и его немедленно окружали дети.

Кем он был? Русским, казахом, туркменом? А может, калмыком? Кто знает... Смуглое лицо, узкие, чуть раскосые глаза — во всем облике молодого солдата было что-то восточное. И хотя имя у него было простое — Ваня, ребята ласково прозвали своего друга Монголокасом, Монголоком.

Стоило ему со своим Джимом показаться в городке, как на улице сразу начина-

ся ничком, закрывал глаза пилоткой, медленно и громко считал до ста, давая всем возможность разбежаться и спрятаться. Но как бы ни хоронились ребята, собака отыскивала каждого и, ухватив за штаны, тащила к костру.

Джим был крупной овчаркой с густой светло-коричневой шерстью, слегка желтевшей на животе. Он умел ползать бесшумно, пригнувшись к земле, перепрыгивать через высокую поднятую палку, доставать камень со дна реки. Камень ел в воздухе, а Джим уже кидается в воду. Всплеск — он ныряет и через несколько мгновений кладет камень к ногам хозяина. Правда, слушался Джим только Монгола. Большие ничьи команд не признавал. Уставится на Ваню умными золотистыми глазами и словно читает его мысли, понимает без слов: шепельнет солдат бровью — и Джим уже делает что надо. Из чужих рук никогда ему не возьмет. И погладить себя чужому не позволит. Потянется кто-нибудь приласкаться, а у пса шерсть на загривке дыбом, оскалится клыки и послышится глухое ворчание. Волей-неволей отдернешь руку... Лаял Джим редко, разве когда разыграется, гоняясь за ребятами.

— Веселая, — согласились мальчишки.

Так в этот вечер Дalia получила прозвище — стали ее звать Веселой.

На другой день она пошла в луга вместе с ребятами. Ей тоже нравилось удить пестрачку, играть в прятки. Монгол сам вырезал ей ложку. И она с удовольствием вместе со всеми хлебала уху и не очень сердилась, если кто-нибудь шутя дергал ее за косу. Вместе со всеми училась говорить по-русски. И получалось у нее это даже лучше, чем у мальчишек. И свистеть научилась. Сунет пальцы в рот и так свистнет, что всем на зависть. Джим уже относился к ней спокойно. Так сказать, принял в компанию. Но гладить себя не позволяла. Она как-то попыталась — оскалился, зарычал: не трогай, мол.

Когда у костра умолкали мальчишечьи споры и наступала тишина, Дalia вдруг начинала разбирать смех. Просто так, без причины.

— Веселая голос подает, — улыбаясь, говорил Монгол.

А вообще-то оба они чаще молчали. Перекинутся изредка двумя-тремя словами, и все.

Ей почти четырнадцать. Длинные косы, но-

МОНГОЛЮКАС

РАССКАЗ

К. Марукас
Рисунки Н. Ямина

ли хлопать калитки и со всех сторон высыпали ребята.

— Монголокас! Монголокас!

Улица скоро пустела, и ватага детей, в центре которой шагала Ваня, миновав цементную ограду кладбища, направлялась в луга, к речке.

У каждого за поясом или на шее — привязанная веревочкой ложка, в карманах — куски хлеба, пакетики с солью. Наступал долгожданный час! Над лугами радостно звенели голоса. Наловив в речке окунчков и пестрачек, ребята разводили костер, варили уху и, счастливые, перемазанные сажей, хлебали из общего котла.

А когда на небе вспыхивали звезды, затевалась игра в прятки. Только не в обычные прятки! Ваня, удерживая Джима за ошейник, ложил-

Как-то подошла к костру стройная, рослая девочка в белом платьице. Она собирала сачья в лугах.

— Смотри, какая красавица! — улыбаясь, говорил Монгол. — Откуда такая?

— Это моя сестра, — ответил Томукас и позвал: — Дalia! Иди к нам!

Дalia несмело подошла ближе. Джим сердито зарычал. Ваня положил ему на загривок руку, погладил, и псё успокоился.

Поставив лукошко, Дalia присела рядом с братом. И вдруг покраснела, натянула подол на колени, взглянула на пограничника и звонко рассмеялась.

— Какая веселая, — сказал Монгол. Он уже знал много литовских слов, но сказал это по-русски. — Веселая!

Дalia поняла и снова громко расхохоталась, откинув голову и прищурясь.

— Она и на уроках так. Хохочет ни с того ни с сего, — пояснили мальчишки.

Наставив уши, Джим следил за каждым движением девочки. Всех ребят он уже знал, а Дalia видел впервые. Наконец успокоился и, положив голову между лап, закрыл глаза.

— Веселая, — глядя на Дalia, добродушно повторил Монгол.

сик с веснушками... По правде сказать, не особенно красива. Но там, где она появлялась, сразу светлели лица, слышались смех.

Всю прошлую зиму за ней неотступно ходил и таскал ее портфель Ричардас, или Ричка, как звали его ребята. Красивый парень. Высокий. Волосы вытесы. Из богатых: его папаша владел аптекой. И дом у них чуть ли не самый большой в городке. Одевали Ричку по моде. Всегда аккуратный, ботинки начищенные. Фронт. И еще была у него дурацкая привычка, держа руки в карманах, позванивать монетами...

— Чего не приходишь к нам в крокет играть? — спросил он как-то, провоза Дalia из школы домой.

— Некогда.

— Некогда, говоришь? А в луга бегать есть время?

Дalia засмеялась. Отобрала у провоза того портфель.

— Какой ты дурак, Ричка! Там же очень весело. Сходил бы сам. Не пожалейте!

— Приниме твои извинения, прекрасная синьорита, — церемонно поклонился он. — Но я имею честь принадлежать к столь высокому обществу во главе с этим солдатом и его дрессированной собакой...

— Неужели Монголоюкас тебе не нравится?
— А тебе?
— Нравится. Очень. — Она покружилась, держа портфель в вытянутой руке. — И ты мне тоже нравишься, Ричка.
— Я? — он прикинулся удивленным.
— Нос у тебя красивый.
— Нос?
— И волосы. И глаза тоже. А если взять в целом — так себе. Монголоюкас лучше.
— Знаю я, почему он тебе нравится. — Ричардас позвякивал монетками в кармане. — Ты — красная.
— Красная? — Дали рассмеялась. — Конечно, я пионерка, а ты мне завидуешь.
— Это я-то завидую?
— Да, потому что ты буржуйчик.
— Думаешь, всегда так будет?
— Что ты хочешь этим сказать?
Ричка не ответил, нахмурился и уставился в землю. Потом спросил:
— Придешь после обеда в крокет играть?
— Не знаю. — И Дали, словно играя в классики, запрыгала на одной ножке по двору.

Граница проходила по реке. Через эту реку можно было запросто бросить камень. На одном берегу купались наши ребята, на другом — немецкие. Дразнили друг друга.

— Пут-пут — Гитлер капут! — орали наши. В том году весна стояла теплая, солнечная. Рано зазеленели деревья, луга покрылись травой, уже в начале мая на берегах речки зацвела черемуха. Почти каждый день после уроков мальчики бегали купаться.

Однажды, ныряя, брызгаясь и догоняя друг друга в воду, они очутились неподалеку от чужого берега.

— Ребята! — неожиданно выбежав из кустов в сопровождении своего Джима, крикнул им Монгол. — Назад! Немедленно назад!

Мальчики, забыв про игру, заспешили к своему берегу. Вылезли и, прыгая на одной ноге, принялись вытряхивать из ушей воду. Пограничник внимательно гляделся в противоположный берег. Подозрительно что-то: уже который день мальчишки из ближнего немецкого городка не показывались у реки. На том берегу тихо и пусто.

— Как поживает Веселая? — спросил Ваня, узнав среди купальщиков Томукаса. — Что-то совсем ее не видать.

— Заболела, — ответил Томукас.
— Плохо дело. — Монгол поправил на плече автомат, свистнул Джиму и пропал в кустах.

...В тот день отец Томукаса и Дали, как обычно, сидел у своего окна и прибивал подметку к ботинку. Он очень удивился, увидев

за калиткой пограничника. Парень словно кого-то ждал.

— Ну-ка, спроси, чего ему надо, — приказал сыну сапожник.

Тот, глянув в окно, радостно воскликнул:
— Так это же наш Монголоюкас! — и опрометью вылетел за дверь.

Хозяин встал, стряхнул с фартука обрезки кожи и, подняв на лоб очки, поспешил за сыном. Томукас и пограничник дружески беседовали, а рядом сидела огромная собака, насторожив чуткие уши.

— Заходите в дом, — пригласил отец.
— Спасибо. Некогда. — Солдат вытащил из-за пазухи полотняный мешочек, обшитый по краю синими нитками, и, покраснев, протянул его. — Это вашей Дале. Пусть поправляется.

— Заходите. Хоть на минутку! Покурим, — пытался уговорить его сапожник, но пограничник приложил руку к козырьку фуражки и коротко сказал:

— Служба.

Дома родители открыли мешочек и обнаружили там чернослив, сушеные груши, желтые засахарившиеся финики; по столу покатались розовые, никогда не виданные, похожие на яблоки, фрукты.

Томукас сразу прихватил горсть слив.

— Не трогай! — мать шлепнула его по руке. — Сварим Дале компот.

Отец хитро подмигнул.

— Ну вот, дождался... Будущий зять.

Дали натянула одеяло на голову и, отвернувшись к стене, тихо засмеялась.

С каждым днем все труднее было дожидаться последнего звонка. Уроки шли при открытых окнах, манила синяя даль неба, мальчишки ловили осколками зеркала солнечные лучи и ослепляли яркими зайчиками девочек. Ответки уже вывели, уроков на дом не задавали.

На большой перемене ребята вслух мечтали о летних каникулах.

— Знаете, куда я поеду? Ни за что не угадаете. В Вильнюс!

— А я — к дяде. В Каунас.

— А мне и тут хорошо. По ягоды буду ходить. Помогу бабушке сено возить.

— Подумать только! Целых три месяца никаких уроков! Свобода, как птица! — сказала Дали. — А ты, Ричка, почему не радуешься? Почему скучный такой?

Стоявший в стороне Ричардас молча пожал плечами.

— С чего ему радоваться? — усмехнулся кто-то из мальчиков. — Не знаете разве? Аптеку у них отобрали, да и в доме всего три комнаты оставили.

— Бедняжка. Вот отчего он льет горькие слезы.

— Даже похудел.

— Служанка-то небось больше не носит мальчику в постельку тепленькое молочко с пирожными.

— Чего пристали? Оставьте его в покое, — попыталась урезонить ребят Дая. — Теперь все равны, все хорошо живут. Правда же, Ричка?

Ричка заносчиво и высокомерно обвел взглядом товарищей.

— Я не из нищих. — Он даже покраснел, позванивая мелочью.

— Дурак ты, коли так говоришь, — возмутилась Дая. — Дурак!

...Давно уже Дая не ходила в луга. Наконец пришла. Поблудневшая, задумчивая. Косы уложены вокруг головы.

— Вот и Дая! — обрадовались ребята. — Может, в лапту сыграем?

— Играйте сами, — ответила она безразлично.

Мальчики удивились:

— А ты? Не хочешь?

— Оставьте меня в покое.

— Подумаешь, воображала!

Один кинул в нее мячом, другой подскочил и попытался повалить на землю. Дая решительно оттолкнула нахала, покраснела и испуганно заслонилась локтем.

— Как не стыдно! — глаза ее гневно сверкнули. Повернулась и отошла от ватаги.

— Правда, ребята, играйте сами, — заступилась за нее Монгол.

На светлом еще небе появились первые звезды. Разгорелся костер. Нарвав охапку ромашек, вернулась Дая. Села в стороне и стала плести венок.

Мальчишки кувыркались, прыгали вместе с Джимом через костер. Давно не было так славно и весело. Пограничник что-то выстреливал ножом. Увлёкся и не заметил, как Дая подкралась сзади на цыпочках и прямо на его лхую пилютку надела венок.

Мальчишки переглянулись и расхохотались. Очень уж смешно выглядел солдат в венке.

На смуглом лице Монгола сверкнули белые зубы. Он неподвижно сидел в венке и добродушно улыбался.

— Джим! Поблагодари! — приказал он.

Джим насторожил уши, умными глазами посмотрел на пограничника, будто сомневаясь, правильно ли понял, и медленно, неохотно подошел к Дале, сел перед ней и подал лапу.

Дая весело пожалала ее.

— И другую дай! — велел Ваня.

Джим поднял другую лапу, обнюхал руки, колени девочки, ткнулся мордой ей в бок и спокойно лег рядом. Дая погладила его. И пес, положив морду между лап, зажмурился, виляя хвостом.

— Ну вот, — сказал Монгол. — Теперь вы друзья.

В прибрежных кустах черемухи гремели соловьи. Постреливали охваченные огнем ветки, вместе с языками пламени взвивались над костром искры и, погаснув, как бабочки спускались вниз хлопьями пепла. Ребята сидели вокруг костра, обхватив руками колени.

Ваня снял венок, рассмотрел его и бережно положил рядом.

— А у нас таких цветов нету. Похожие есть, но не такие.

— Нету ромашек? — удивился Томукас. — Как же это так — без ромашек? Некрасиво.

— Нет, у нас тоже красиво. Водопады. Горы. А на вершинах — снег...

— Далеко?

Монгол задрал голову, отыскал Полярную звезду, сорентировался и показал большим пальцем через плечо:

— Там. Скоро кончу службу — и домой. Три месяца осталось...

— Не будешь больше солдатом? И автомата у тебя не будет?

— А зачем он мне на гражданке?

Мальчишки переглянулись. Им трудно было представить себе Монголюкаса без оружия и без Джима.

Задумчиво глядя в небо, Ваня продолжал:

— Ваш край тоже красивый. И люди тут славные. Когда-нибудь приеду, навещу. — Он посмотрел на Далею: — Будешь ждать, Веселая?

Дая опустила голову, прикусила губку.

— Чего молчишь? Будешь ждать?

— Конечно, будем ждать, — ответил Томукас. — Правда, ребята?

— Точно, — поддерживал его дружок.

— Вы-то будете, знаю. А вот Веселая не станет. Быстро из головы выкинет. Верно говорю, а, Веселая?

Дая рассмеялась. Весело, заразительно. На щеках показались ямочки. Она запрокинула голову. Потом вскочила и нырнула в темноту. Вскоре и ребята потянулись домой.

...Та июньская ночь была светлой, звездной. После трудового дня у открытых окон спали взрослые, спали дети, нежно прижимая к груди любимую игрушку. Всю ночь напролет пели соловьи.

Проходя по берегу реки, пограничник с собакой на минуту остановился. Прислушался. Все спокойно. Погруженную в туман реку окружает тишина. На востоке уже прорезалась розовая полоска и, словно раздуваемый ветром уголек, стала краснеть, поджигая темно-синий бархат ночи. Небо посветлело. В гнездах несмело записались пенчики. Широко раскинув крылья, улетел в луга анст. Пограничник подозвал собаку, устроил поудобнее авто-

мат на груди и хотел было идти дальше. Но тут внезапно вспыхнула в небе красная ракета. Прочертив дугу, она еще не успела погаснуть, как на том берегу реки уже забухали выстрелы. Умолкли птенцы, притихли соловьи. Из тумана вынырнули потонные лодки с вооруженными солдатами. Заревели моторы танков. На нашей стороне начали рваться снаряды.

...От близкого взрыва задрожали стены дома, зазвенело стекло. Даля села в постели, свесив ноги, соображала спросонок, что случилось. На полу известка, под потолком раскачивается лампочка. Все в доме не спят. В галошах на босу ногу сидят за столом отец, подперев голову руками. Мать подметает пол. Вглянув на ее бледное лицо, Даля поняла: произошло что-то страшное.

— Папа! Мама! В чем дело? — воскликнула Даля.

Родители молчали.

Набросив на плечи одеяло, девочка кинулась к окну. За деревьями клубился густой черный дым, горела железнодорожная станция. Громыхали пушки. Внезапно по плитам тротуара застучали подкованные сапоги. Даля даже не успела отпрянуть от окна, как перед ней, перемахнув через забор, вырос солдат. Длинноногий. Рукава засучены. Выставив автомат, он пугливо огляделся по сторонам и побежал прямо по клумбе, топчя руту, пионы.

— Уйди от окна! — крикнул ей отец. И в тот же миг за углом их дома застучал пулемет.

На рассвете стрельба прекратилась, и через городок потянулись фашистские войска.

Поднимая тучи пыли, ползли танки, трещащие мотоциклы, проносились автомашины. По обочинам шагали пехотинцы. Веселые, опьяненные легкой победой. Солдаты наигрывали на губных гармошках, орали свои песни, жевали шоколад. Но как только они скопились у железнодорожного переезда, из дома пограничной комендатуры ударил пулемет. Гитлеровцы кинулись врассыпную, разбежались, оставив посреди улицы перевернутый вверх колесами мотоцикл и несколько убитых. Полуразрушенное снарядами, почерневшее от дыма каменное двухэтажное здание комендатуры, казавшееся вымершим, вдруг ожило. Гремели выстрелы из развалин, безостановочно строчил пулемет, свинцом сметая с улицы вражеских солдат.

Враги отступали. Попытались за домами, за заборами, залегли вокруг комендатуры, окружили ее. Слышалась громкая ругань, отрывистые команды офицеров. На железнодорожную насыпь выкатили орудия.

— Рус, сдавайся! — прячась за развалина дома, орал какой-то солдат.

Почерневшее здание комендатуры молчало.

Фашист крикнул еще раз, и тут же полетели снаряды, комендатура потонула в облаке изве-

сти и черного дыма. Из окон второго этажа вырвалось пламя. Чуть не целый час долбили фашисты снарядами дымящиеся развалины. От комендатуры осталась лишь куча щебня.

— Капут! — сказал наконец офицер, отнимая от глаз бинокль.

Колонна вновь построилась, но едва только двинулась она по улице, как еще ожесточеннее застучал пулемет.

Только на следующий день удалось фашистам занять разрушенное до основания здание комендатуры. Под утро в развалинах раздался одиночный выстрел, и тогда все затихло.

Ни один пограничник не сдался врагу живым.

Фашисты ликовали. Посыпали и разбили в городке вывески советских учреждений. Всюду развевались флаги со свастикой. Из громкоговорителей неслись марши. Фашистские войска рвались на восток, захватывая каждый день все новые города. Через реку переправились штатские. Гимназисты и подростки в форме гитлерюгенда слонялись по тротуарам, взявшись за руки и вынуждая старых и молодых идти по мостовой. Они нагло задевали девочек, били окна.

Выйдя купить хлеб, Даля столкнулась с Ричкой.

— Алло, синьора, — заговорил он. Через плечо у Ричардаса висела зеленая сумка от противогАЗа, полная яиц. — Как жизнь? Папа-мама здоровы?

— Отстань! Видишь, спешу.

— Не хочешь разговаривать? — Засунув руки в карманы, он преградил ей дорогу. — Может, я тебе больше не нравлюсь?

Даля горько усмехнулась.

— Точно.

— Не очень-то задирай нос! Кто знает, может, я пригожусь еще. Видала, какие славные парни эти солдаты? А какие у них автоматы! Какие танки! Сила!

— Ну и радуйся себе.

— Могучая сила! Ни одно государство перед ними не устоит! Теперь Советам капут! Все как раньше будет. Наверно, нам вернуть дом и аптеку. — Разжав кулак, он подкинул на ладони пфенниги. — Погляди, какие чистенькие, красивые! Солдаты за яйца дали.

Раздался выстрел. С криками и руганью на улицу высыпали вооруженные гитлеровцы. Они гнали взятых в плен красноармейцев. Даля встала на цыпочки — может быть, увидит Монголюкаса? Но его не было. У самого тротуара споткнулся и упал один из пленников с перебинтованной головой. Товарищи пытались поднять его, но подскочивший охранник прикладом прогнал их и стал пинать упавшего.

— Свою симпатию выглядываешь? — Ричка позвякал пфеннигами, расхохотался. — Что, не видать?

У Дали закружилась голова. Чтобы не упасть, она оперлась о столб, прикрыла ладонью глаза. Она не могла спокойно смотреть на измученных людей.

— Что с тобой?

Проглотив слезы, Дали выпрямилась.

— Ничего.

— Мне показалось, тебе плохо.

— Можешь не беспокоиться.

— Я знаю, тебе их жалко... Да, ты слышала?

В школе новый директор. Вывесили список пионеров. Сам видел. Требуют, чтобы пришли. И тебе обязательно следует явиться в школу.

— Почему? Ведь каникулы.

— Всем пионерам надо принести свои галстуки.

— Галстуки?

— Да. Ох и попадет вам теперь! Могут погнать в казармы, уборные чистить.

Ричка снова расхохотался.

— Знаешь, кто ты? — Дали смотрела на него с ненавистью, глубоко дыша, и не сразу нашла слово. — Ты червяк! — отбежав в сторону, крикнула она. — Червяк! Червяк! Червяк!

Домой она вернулась запыхавшаяся, взволнованная. Родителей уже не застала. Ричка гнался почти до самой калитки, и у нее чуть сердце не выскочило — так быстро неслась. Заперла дверь на крючок. Осторожно приподняв край занавески, посмотрела, не торчит ли Ричка за забором. Отыскала в шкафу свой галстук, разгладила на коленях. Как нескладно дорог был он ей теперь, напоминая счастливые светлые дни. Неужели все кончено? Красная Армия разбита, нет больше Вани-Монголюкаса, никогда не запоют они у костра своих веселых песен; она не сможет без страха одна выйти на улицу. Придется вечно остерегаться Рички, бояться этих проклятых мальчишек с того берега... Глядя на галстук, Дали задумалась. Что ей делать?

Не отнесет — фашисты обыщут дом, и тогда достанется и маме, и папе, и Томукасу. Но отдать этот кусочек алого шелка врагу? Ведь она дала священную клятву быть верной Родине... И что же? Отречься от своих слов? Девочка прижала галстук к губам, потом аккуратно уложила его в коробку от конфет и закопала в садике, под яблоней. И облегченно вздохнула. Она никогда не отдаст фашистам своего красного галстука!

Ночью городок проснулся от взрыва. На спящую ночь в ресторанчике разорвалась брошенная в окно граната. Нападения не пре-

кращались. Почти каждое утро оккупанты находили убитого часового. В городке перешептывались: мол, все это продлевает «Красный дьявол». Кто-то встретил его неподалеку от железнодорожных складов, кто-то столкнулся с ним в прибрежных кустах. Богомолки клялись, что видели в лунную ночь, как он бежал по двору костела: обросший щетиной, ноги — коровьи копыта, а на лбу огнем горит пятиконечная красная звезда. Слушая эти рассказы, одни недоверчиво улыбались, другие и сами не прочь были пустить какую-нибудь невероятную басню... Но с наступлением сумерек солдаты уже не решались в одиночку ходить по улицам.

На столбах расклеили приказы, угрожавшие, что виновный в укрывательстве советских солдат будет подвергнут смертной казни! Начались обыски. Через несколько дней на базарной площади расстреляли хромого портного и крестьянина с ближнего хутора. Расстреляли только за то, что они накормили вышедшего из леса человека. Но и после казни не прекратились нападения на фашистов. Однажды утром на мосту обнаружили убитых патрульных. Гитлеровские войска сражались уже на белорусской земле, а тут, в глубоком тылу, все еще продолжалась тайная борьба.

Мальчишки с того берега все реже появлялись в городке.

Как-то вечером, когда садилось солнце, Дали читала под яблоней книгу.

Что-то зашуршало в кустах малины, она подняла голову и не поверила своим глазам: Джим! Выбравшись из густых зарослей, он сел неподалеку от Дали, чутко насторожив уши. Тот самый Джим — в черном кожаном ошейнике с блестящей пряжкой.

Дали радостно всплеснула руками:

— Джим! Иди сюда!

Но пес не двинулся с места, только принялся и припал к земле.

— Джим! Джим! — уже тихонько позвала девочка.

Дружелюбно метя хвостом, он подполз к ее ногам. Дали погладила его. Пес очень исхудал, ребра выпирали. Еще недавно чистая, лоснящаяся шерсть теперь свалывалась, в ней застряли какие-то колючки. Дали принесла ему хлеба. Джим жадно схватил из ее рук краюху и нырнул в кусты.

С каждым днем жить становилось все труднее. Ввели продовольственные карточки, у магазинов выстроились очереди. Деля поровну хлеб за семейным обедом, отец приговаривал с печальной улыбкой:

— Господин Сало и госпожа Булка отправятся на прогулку... Когда обратно пожалуют — не ведаю...

Свою порцию хлеба Дalia прятала. Скрывая от родителей, что ест без хлеба, забирала свою тарелку и уходила обедать в сад — там, мол, приятнее...

Каждый день всегда в одно и то же время, когда садилось солнце, ждал ее в саду Джим. Появлялся он внезапно, словно из-под земли. Брал хлеб и исчезал. Опасался других людей. Стоило показаться им во дворе отцу или матери, как он тотчас скрывался в кустах.

Однажды ночью раздались выстрелы, долго трещали автоматы. А утром на кладбище, где хоронили фашистских солдат, появилось два дощатых креста. Фашисты обыскивали все дома подрада, на каждом перекрестке топтались патрули.

После этого случая Джим не приходил несколько дней. Дalia даже плакала.

Явился пес в свое обычное время, на закате. Он еще больше истощал — кожа да кости, шерсть тусклая, пыльная, кое-где на боках белые пятна — перемазался известкой.

Дalia бросила ему хлеб.

Джим взял лопот в зубы, отбежал, положил его на землю и вернулся. Сел перед девочкой и жалобно заскулил.

Держа на коленях книгу, Дalia продолжала читать. Тогда Джим подполз вплотную. Смотрел он печально и жалобно.

Чего он хочет? Почему так беспокоен?

— Джим! — нежно погладила его Дalia. — Что с тобой?

Пес завилял хвостом.

Отложив книгу, Дalia поднялась и пошла за ним. Джим радостно подпрыгнул и, схватив в зубы хлеб, затрусил вперед.

Поджав хвост, он крался вдоль заборов, домов, все время оглядываясь на нее. На железнодорожной станции нырнул под вагоны. Дalia остановилась. По перрону слонялись вооруженные фашисты, в тени около груды ящиков стоял охранник.

Идти за собакой дальше девочка побоялась. Но вот по ту сторону рельсов, за углом разрушенного кирпичного дома, снова возник Джим. Он смотрел и словно ждал. Собравшись с духом, Дalia двинулась через железнодорожную насыпь.

— О, какой красивый фрейлейн! — растопырив лапы, загорил ей дорогу какой-то пьяный солдат. Он покачивался и широко улыбался.

Дalia проскочила у него под рукой и пришла в себя, лишь очутившись далеко за станцией, под одиноким кленом. Джима нигде видно не было. Возле моста, на нашем берегу, высилась груда красных кирпичей — раньше здесь был склад. Кругом мрачно, пусто, вдали на повороте сверкали полосы отполированных железнодорожных рельсов. Дalia хо-

тела уже возвращаться домой, но тут снова возник перед ней Джим. Повилив хвостом, он скрылся в развалинах. С сильно бьющимся сердцем вернулась Дalia с дороги, пригнувшись, перебежала луговинку, завернула за угол разрушенного склада, огляделась и юркнула в проем окна. Вдруг наверху что-то зашуршало, она вздрогнула: захлопав крыльями, взлетел черный ворон. Дalia прижалась к стене, боясь шевельнуться. «Карр! Карр! Карр!» — каркали где-то воронята. Снова появился Джим и тут же исчез в черной дыре. Дalia осмелела. Осторожно переставляя ноги, она спустилась по цементным ступенькам в погреб и в ужасе прижалась к холодной стене: в углу, при слабом свете, проникавшем сверху, едва можно было рассмотреть человека, который лежал, опершись на локоть. Обросший, черный — в руке он что-то сжимал... Граната! Сейчас он бросит гранату!

— Не надо! — запинаящимся голосом воскликнула Дalia.

— Веселая?.. Это ты?

Голос Монголюкса! Голос Вани!

Рука с гранатой бессильно опустилась, и несколько мгновений человек лежал неподвижно, слышалось только его тяжелое дыхание. Глаза постепенно привыкли к полумраку, и рядом с пограничником девочка увидела Джима. Пес лежал, прижавшись к хозяйину, и смотрел на нее.

— Воды! — простонал Монголюкс.

Тут же, за развалинами у моста, спустившись к реке, она зачерпнула шлемом воды. Вани попыталась сесть, но не смог. Дalia поднесла шлем к его губам. Он пил жадно и долго, изредка переводя дух. Наконец откинулся на своем неудобном ложе и прошептал:

— Спасибо тебе, Веселая... Добрый ты человек...

И снова потянулся к воде. Дalia заливала его шею, грудь, но он только блаженно прижимал и пил, пил. Утолив жажду, вытер лицо рукавом порванной гимнастерки и спросил:

— Где наши?

Дalia отвернулась. Что могла она ответить? Фашистские войска далеко на Востоке, ходили слухи, что уже под самой Москвой. Пробиравшийся сверху луч слабо освещал скромные солдатские пожитки на соломенной подстилке и пустые жестянки из-под консервов. Рядом были сложены кучкой черствые ломти хлеба. Те самые, что она давала Джиму.

— Подвись поближе. Я не могу разглядеть тебя. Чего молчишь?

Дalia присела рядом. Вани нащупал ее руку и положил себе на грудь. Пальцы у него были длинные и холодные. Лежал он спокойно, закрыв глаза, но дышал тяжело. Слезы перехватили ей горло, она не могла вымолвить ни слова. Какой же он худой!

— Что слышно? Где наши?

Даля заставила себя улыбнуться:

— Недалеко...

— А как мальчики? Не забыли меня? Помнишь, как славно бывало у костра?

— Пели, — улыбнулась сквозь слезы Даля. — Уху варили...

— Что люди говорят?

— У нас все о Красном дьяволе говорят. Я-то его не видела, но многие встречали. Сколько он страха на фашистов нагнал!

— Что еще за Красный дьявол?

— Не знаю. Говорят, пули его не берут...

— Неужто?..

Джим приподнялся на лапах, насторожился. Далеко-далеко загудела земля. Монголюкас вздрогнул, приложил к губам палец:

— Слышишь?

— Что?

— Неужели не слышишь? Пушки грохочут! Наши идут. Уже близко. Где мой автомат? Подой сюда автомат! Я должен помочь товарищам...

Гул все приближался, и вот совсем близко прогромыхал по рельсам поезд. Жалобно, то-скливо прогудел. Сверху посыпалась штукатурка, и поезд промчался мимо.

Монголюкас беспомощно сник, выпустил из рук автомат. Подполз Джим. Обнюхал хозяина, лизнул в лицо и улегся около него.

— Милый ты мой, — Ваня погладил пса. — Что бы я делал без тебя?.. Все будет хорошо... Правда, Джим? Наши скоро вернуться. — Он говорил сам с собой и гладил Джима, а тот лизал ему руки, лицо. — Не сладимся! До последнего патрона... До последнего вздоха... — Его бил озноб: Даля укрыла его шинелью, поправила под головой солому.

— Откуда ты знаешь? — удивился он, буд-то только что заметил ее, и тихо простонал: — Воды...

С улицы прибежал Томукас, весь сияющий, счастливый.

— Если бы ты только знала, Даля, кого я видел! — закричал он прямо от калитки. — Никогда не отгадаешь!

— Ну?

— Угадай!

— Да говори ты скорее!

— Джима!

— Что ты болтаешь? — она прикинулась удивленной. — И вовсе это не Джим. Мало ли похожих собак? Показалось тебе.

— Ей-богу, Джим! И ошейник на нем тот самый. Но какой он тощий! Смотреть страшно. Если бы не ошейник — я бы и не признал. Мы его звали, но он убежал. И Ричка тоже звал.

— Ричка?

Даля увела братишку в сад, огляделась, не

слышит ли их кто-нибудь, и, глядя ему прямо в глаза, сказала:

— Очень прошу тебя... Никому ни слова о Джиме. Даже маме. А увидишь его на улице, не зови. И с Ричкой не водись. Ясно?

— Почему?

— Пока не спрашивай. Объясню потом. Ладно?

Даля забеспокоилась. Томукас-то будет молчать, но — Ричка? А вдруг он начнет следить за Джимом? Доберется до самых развалин?

Подальше обходя станцию, Даля ежедневно навещала раненого солдата, хотя всякий раз, когда надо ей было перейти рельсы, сердце сжималось от страха. Монголюкасу становилось все хуже. Нога распухла, он ничего не ел, даже вишни перестал сосать. Только все просил пить.

— Где фронт? — спросил он как-то раз, лежа с закрытыми глазами.

— Уже недалеко, — соврала она.

— Да. И я знаю. Уже недалеко.

Джим, как обычно, рядом, положил морду на грудь хозяина и прислушивается к разговору. Смотрит жалобно. Глаза подернуты грустью. Даля развернула газету, в которой принесла мозговую кость с кусочками мяса. Джим понюхал, виновато помахал хвостом, но не взял.

Опять далеко-далеко загудела земля.

— Слышишь? — Монголюкас широко раскрыл глаза. — Артиллерия! Слышишь?

— Слышу...

А состав снова прогрохотал, промчался рядом.

Раненый бредил:

— А вот и наши самолеты... Летят! Эскадрилья за эскадрилей. Слышишь, Веселая?

— Слышу, слышу...

Не в силах удержаться, Даля заплакала.

— Что с тобой? Почему плачешь?

— Да не плачу я. — Отвернувшись, она вытерла слезы.

В эту ночь Даля не могла уснуть, все думала, ломала голову — что делать? Одно было ясно: Монголюкаса надо спасти. Ему плохо, совсем плохо. Спасать!.. Но как?..

Наутро, когда мать вошла в город, Даля обо всем рассказала отцу. Глядя на него умоляющими глазами, твердила:

— Только ты один можешь помочь! Только ты, папа!

Сапожник бросил под верстак недочиненный ботинок и, воткнув в воск шило, закурил. Минуту он сидел в глубоком раздумье, выдыхая клубы дыма.

— Папа!

— Что?..

— Он же может умереть!..

— Ну что я могу, дочка?.. — отец передернул плечами. — Жалко мне его... тоже жалко... Но помочь?..

— Папочка!

— А ты знаешь, что за это гитлеровцы обещают? И отцу твоему, и матери, и брату... Знаешь? Будь она проклята, эта война! Сколько хороших людей гибнет... Убивают невинного человека лишь за то, что он протянул пленному кусочек хлеба... А ты ничего не понимаешь...

— Ну зачем ты говоришь?.. Я все понимаю... только... Только он раненый...

Загасив окуроч, отец сплюнул. Стукнул кулаком по верстаку.

— Черт побери! Что же делать?!

Даля обняла его, прижалась к отцовской груди.

— Папочка, я же знаю, ты очень добрый...

— Добрый! Добрый! Городишь невесту что! — вспылил он, оттолкнул дочь и прикрикнул: — Чтобы я больше ни слова о нем не слышал!

Даля упала ничком на кровать и, уткнувшись в подушку, зарыдала. Отец снял фартук, встал, подошел к окну и задумался.

— Говоришь, очень плохо? — не оборачиваясь, спросил он.

— Если бы ты только посмотрел, папа...

На следующее утро отец разбудил Далию на рассвете и повел ее далеко за город, на опушку леса. Там встретил их высокий крепкий мужчина. Лицо показало знакомым, но Даля не могла вспомнить, где видела его раньше.

— А я уже волновался. Думал, не придет, — дружески сказал он, уводя их в чащу.

В глубине леса, присев на пенек, мужчина пристально посмотрел на Далию. Девочка улыбнулась. У него под глазами собрались морщинки, сверкнули ровные белые зубы. Он тоже улыбнулся, и тут Даля узнала его! Конечно! Как она могла забыть?

Их принимали в пионеры, а он был гостем из райкома партии, стоял у знамени, сказал речь и потом повязал пионерам галстуки.

«Наверно, и не помнит меня», — подумала Даля и смело сказала:

— А я вас знаю! Вы как-то были у нас в школе.

— Все может быть, Даля.

— А откуда вы знаете мое имя?

— Военная тайна, — усмехнулся бывший представитель райкома. И спросил: — Ты сегодня увидишь его?

— Я его каждый день вижу. Кто же ему войды подаст?..

— Славная ты девочка. Когда будешь у него, скажи, чтобы ждал нас ночью, и пусть овчарку придержит, чтобы не лаяла. Переправим его в безопасное место. Если спросит, кто такие, объясни: литовцы, товарищи. Коммунисты. Запомнишь?

— А мне можно будет его в этом месте навещать?

— Ну, об этом в другой раз поговорим. Сначала надо спасти солдата. Станция рядом, вра-

ги в любой момент обнаружить его могут. Удивительно, что до сих пор никто не заметил. — Обернувшись к отцу, он добавил: — О Красном дьяволе слышали? Это он и есть... Нагнал страху на фашистов!

— Наш Монголюкас? удивилась Даля.

— Да. Чертовски смелый парень.

В тот же день Даля собрала корзиночку клубники, прихватила бутылку молока и отправилась к своему другу. Она быстро шагала по улице городка. Теперь Монголюкас будет спасен! Недолго ему страдать. Она сама будет за ним ухаживать, кормить, понадобится — и белье постирает... Лишь бы он поправился.

С тех пор, как она нашла его в развалинах, он стал ей очень дорог, гораздо дороже, чем был раньше.

Она миновала костел, свернула влево, и, как всегда, у нее сильно забилось сердце, когда надо было пересечь железнодорожную насыпь. Но сегодня на станции было пусто. Перебежав рельсы, она остановилась за углом полуразрушенного строения и перевела дух. Отсюда было рукой подать до горы красных кирпичей, до того подвала, где скрывался Монголюкас.

— Алло, синьорита! — Даля даже вздрогнула, услышав этот голос.

Прямо перед ней, высочив из-за насыпи, вырос Ричка. Под мышкой удочка, в другой руке — гимназическая шапочка, полная спелых вишен.

— Куда путь держим? Уж не на свидание ли?

— Отстань! Чего привязался?

Он подбриснул вишню, ловко поймал ее ртом и, обсосав, плюнул в нее косточкой. Чуть не попал в лицо, червяк...

— Интересно, чего ты тут шляешься?

— В деревню иду, за хлебом...

— На тот берег? Думаешь, немцы хлеба дадут? Не надейся! — Он ловил на лету вишни и продолжал обстреливать Далию косточками. — Кто же там ищет? У тебя что, в голове помутилось?

— А я там достаю хлеб.

— Занятно...

Косточка попадала ей в лицо. Даля прикрыла глаза ладонью.

— Ух, и противный же ты!

— А мне не нравится, что ты крутишь, темнишь! — Пососал вишню, подозрительно уставился на прикрытую газетой корзиночку Дали.

— Что это у тебя там?

— Отвяжись! — Даля прижала корзинку к груди.

Ричка подскочил, повалил ее на землю, безжалостно выкручивая руку. Даля вскрикнула от боли, выронила ношу. Ричка столкнул Далию в кювет и собирался уже посмотреть, что там в корзинке, но в этот миг на него налетел Джим. Схватил зубами за воротник и основа-

тельно встряхнул Ричку. Потом, дружески виляя хвостом, подбежал к Дале.

Ричка вскочил, кинулся к стене, схватил кирпич.

— Ты у меня еще попляшешь! Красная сволочь! — погрозил он Дале камнем. — А пса этого проклятого у закошу! Вот увидишь!

На дороге валялась его удочка с красным поплавком, гимназическая шапочка, рассыпанные вишни. Он стоял у стены с обломком кирпича в руке, но подойти боялся. Даля решила окольным путем вернуться домой. К Монголюкасу придется наведаться позже. Сейчас нельзя — вдруг Ричка выследит!

Но случилось то, чего она больше всего боялась, — Джим перемахнул ювет и затрусил по луговине к развалинам склада.

— Джим! — не своим голосом крикнула она.

Овчарка остановилась. Обернулась.

— Джим! Джим! Иди сюда!.. Ко мне!

Он замахал хвостом. Постоял, подняв голову и наострив уши, но повернулся и снова побегом в сторону развалин.

— Джим, Джим! — кричала Даля, стремясь удержать его.

Джим не слушал. Он все скорее бежал вперед, поджав хвост. Не оборачиваясь. И на глазах у Рички нырнул в развалины...

Когда началась перестрелка, Даля была уже недалеко от дома. Улица опустела, люди разбежались, поспотавшие. Промчался грузовик с солдатами. Со стороны железнодорожной стан-

ции доносились выстрелы. Тяжелое предчувствие заставило Дале повернуть назад. Подошла к перекрестку, откуда было видно станцию. Солдаты окружили весь район и никого не пропускали туда. Юркнуг в чужой двор, Даля влезла на забор. Однако и отсюда удалось увидеть немного. На вокзальной площади толпились фашисты. Среди них мелькала и Ричкина гимназическая фуражка. На крыше вокзала, широко расставив ноги, стоял офицер и разглядывал в бинокль развалины склада. Через минуту воздух дрогнул от разрыва гранаты. И вдруг стало тихо. По синему небу пугливо пролетела черная птица.

Томукасу удалось пробраться поближе. Прячась между вагонами и ящиками, он видел, как солдаты вытаскивали из развалин мертвого пограничника и его собаку. Тут же, у железнодорожной насыпи, их и закопали.

Но ребята не забыли, где похоронен их Монголюкас. Они собрали у реки самые красивые камушки и ракушки, насыпали из них холмик и положили туда цветы. Злые руки разбросали холмик. Но на другое утро все снова было как прежде. Фашисты разрушали могилу, ребята украшали ее, и эта упорная тайная борьба продолжалась до самого дня освобождения.

Прошло много лет. Останки героя-пограничника торжественно захоронили на братском военном кладбище. Кто он? Как фамилия? Никто не знает. Тогдашние дети выросли, у них уже свои дети, но до сих пор скромный обелиск на могиле Вани-Монголюкаса всегда украшен цветами.

Перевели с литовского Б. Залесская и Г. Герасимов

ЧТО ЛЮБЯТ ГРИБЫ

А. Гиневский

Рисунок Т. Капустиной

Хоть гриб подберезовик
Любит березы,
Хоть гриб подосиновик
Любит осины,
Им всем одинаково
Нравятся росы
И небо бездонное
В утренней сини.

Еще им по нраву
Цветастые шапки,
И чтобы на шапки
Налипли хвоинки.

Им нравится чувствовать
Теплые лапки
Жуков, что ползут
К водопою — к росинке.

Еще они любят,
Чтоб их искали,
Чтоб долго сначала
В лесу побродили;
Спина чтоб и ноги
Изрядно устали
И только потом
Чтобы их находили.

ПОД НЕБОМ ИСПАНИИ

Герман Балует

Он был черен, резок и сух. У него было худое, подвижное, все время меняющееся лицо.

— Хотелось бы с вами поговорить, — сказал я.

Он огляделся и потянул меня в тесноту и мрак задних рядов мадридского Дворца спорта.

Мы сели.

— Как мне вас удобней называть?

Он улыбнулся, и от улыбки щеки его пере-складились две глубокие складки.

— Вот так хотя бы... Слышите?

Дворец бушевал, скандируя имя вышедшего на ринг испанского боксера: «Род-ри-гес!»

— Пусть я буду для вас Родригес.

Далее следует сокращенная запись нашей беседы.

— Что вам запомнилось из раннего, самого раннего детства?

— Корабль. Большой корабль, на нем нас, испанских детей, вывозят из захваченной франкистами страны в Советский Союз. В Ленинград.

— И потом вы жили в Ленинграде?

— Нет, немного южнее. Скажем только, что там большой металлургический завод; после школы я пошел в сталевары. Весь наш род рабочих, мой отец тоже был сталеваром. Он сражался с фашистами в интербригаде, под командованием знаменитого Листера. А погиб позднее, в Отечественную. На Курской дуге.

— Как вы оказались здесь? Вернулись, потому что потянуло на родину?

— Меня — нет. С малых лет я жил в Советском Союзе и был больше русским, чем испанцем. Но мать после смерти отца затосковала. Я ее спрашивал: «Что с тобой?» Она отвечала одно: «Хочу умереть в Испании». Не мог же я ее отпустить одну! Вот так мы и очутились в Мадриде...

Родригес замолчал, ибо говорить стало невозможно: раздался адский протестующий свист. У испанского боксера была рассечена бровь. Судья остановил бой. К рингу спешил врач с чемоданчиком. Зрители повскакали, вздымая кулаки. Голоса диктора во время этого взрыва не было слышно, и нельзя было понять, чем там у них на ринге кончается дело...

— Вы восхищаетесь Мадридом? — вдруг с силой сказал Родригес и обернулся ко мне. — Вам кажется, что здесь царят спокойствие и счастье?

Я действительно был восхищен Мадридом — его свежестью, калено-красными ребристыми небоскребами, черными реками мчащихся машин... Я любил час за часом идти пешком и смотреть, как Мадрид тянется вверх, монументальный и праздничный. На одной стороне улицы сухой зной овеивает твоё лицо, на другой — застойная тень, и в нее ныряешь, словно в чистую воду.

„ИСПАНСКИЙ ДНЕВНИК“

П. Корнилов

В АТАКУ

Скромный, сдержанный, неторопливый в словах, художник Юрий Николаевич Петров привлекал наше внимание своим тонким искусством и душевной простотой.

В 1936 году он исчез с нашего ленинградского горизонта. Через год мы его встретили снова. На груди — орден Красной Звезды. Оказалось, он целый год воевал в Испании — вместе с народом этой страны боролся против фашизма. Как переводчик в танковой части и как художник.

СОЛДАТ-РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Человек, просивший называть его Родригесом, говорил:

— Сразу после своего приезда сюда я увидел Испанию такой же, какой видите ее сейчас вы. Я любовался всеми оттенками испанского неба. Вы заметили, какое над моей страной замечательное высокое небо?

Я без устали ходил по улицам Мадрида, любясь его красотой. На улицах меня окружали веселые, ярко и красиво одетые люди.

Я снял трехкомнатную квартиру на окраине, и мы поселились там — я, мать и сестра. У меня уже был за плечами большой рабочий опыт, руки мои не боялись дела, от труда я не уставал. Я стал искать работу и вскоре нашел — в маленькой ремонтно-механической мастерской.

Хозяин мастерской долго расспрашивал меня о жизни в Советском Союзе: кем работал, какая квалификация, какой заработок был, понравилась ли Испания?

Однажды я встретил человека, которого видел прежде несколько раз рядом с хозяином. Это был массивный мужчина лет сорока пяти с жесткими чертами лица, с большим перстнем на пальце. Он прогуливался по улице, когда я шел с работы, — уже потом я понял, что он специально меня поджидал, — и, заметив меня, страшно обрадовался. Мы сели на терраске перед каким-то баром, и незнакомец принял меня угостить. Тут — опять «незначай» — подвернулся еще один человек и сразу же подсел к нам. Массивный мужчина назвал его журналистом.

Поговорили о том, о сем.

Журналист вынул бумагу и довольно быстро написал статью, в которой было все, что я говорил, и все же это было совсем не то. «Четыре часа полета, и мир переменялся, — бы-

ло написано там. — Только что была холодная, затянутая туманом Россия и вдруг — цветущая, весенняя Испания. Наконец-то я увидел нарядно одетых людей...» Ну, и так далее. Я взял его листочки и порвал.

Не успел я после этой встречи и глазом моргнуть, как хозяин сообщил мне, что в моих услугах больше не нуждается. Долгое-долгое время мерил я шагами Мадрид, пока не устроился на завод. Вынужден был оставить квартиру и поискать себе что-нибудь попроще.

Я уже не умился красивым нарядом на главных улицах, ибо ездил теперь в метро, душном и грязном, и там моими попутчиками были усталые, бедно одетые люди.

Я в Советском Союзе ни о чем таком не думывался. А тут понял: надо бороться. Нас нещадно эксплуатируют. Нас стараются расколоть: одним дают бесплатные квартиры, других кидают в тюрьмы. И таким образом натравливают друг на друга. Я хотел жить в Испании тихо, но оказалось, что у меня один путь: борьба. И я вступил в борьбу. И вот теперь моя жизнь — это собрания, учеба, листовки, забастовки...

Под светом прожекторов падали, и поднимались, и утирали перчаткой кровь. Боксеры демонстрировали разную манеру боя: одни были прямолинейными, как танк, другие — осторожными. Тот махал руками в экстазе отчаяния, этот боялся оторвать перчатку от носа. Но мне представлялось, что все они еще делают на тех, кто оставил в своей душе тропинки к отступлению, шансы на всякий случай, и на тех, кто сжег за собой мосты, для кого не было впереди ничего, кроме победы.

Когда бокс закончился, мы вместе двинулись к выходу.

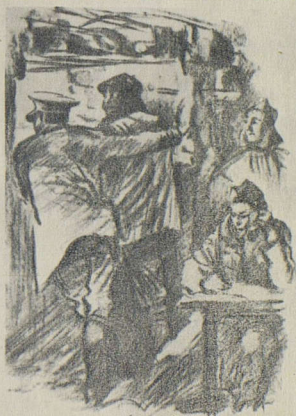
Мадрид — Ленинград

С детства мечтавший об Испании, изучивший испанский язык, теперь он близко узнал народ этой страны и полюбил его. В свой альбом художник заносил все, что довелось увидеть в горячей Испании. Наброски в альбоме — быстрые, подчас, молниеносные, но правдивые, документальные, искренние.

Началась Отечественная война. Юрий Петров стал работать на кораблях Балтийского флота. Он рисовал моряков — защитников Родины, и с его рисунков печатались плакаты и открытки в осажденном Ленинграде. Затем я встретил Петрова на улице с вещевым мешком за плечами. Юрий Николаевич уходил на фронт. Это был все тот же скромный, глубоко штатский, но готовый к исполнению своего воинского долга человек.

Он пал смертью храбрых 9 июня 1944 года.

В 1971 году вышел альбом рисунков Ю. Петрова под названием «Испанский дневник». Просматривая страницу за страницей, видишь: в рисунках Юрия Николаевича нет и не могло быть экзотики, на которую так падки художники-туристы. Это рисунки-новеллы о жизни и борьбе, это обвинения фашизму.

НА НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ ПУНКТЕ

КОСТРЫ ДРУЖБЫ

Был уже поздний вечер в Куртатинском ущелье и догорал Костер Дружбы, что каждый год в июле месяце зажигают пионеры Северной Осетии и Грузии на перевале, на границе двух республик.

Был вечер, и, уставшие плясать вокруг костра танец «симд», уселись отдохнуть ребята — грузины попеременно с осетинами.

И тогда один старый человек, гость ребят, сказал: «Удивительно и радостно видеть все это мне, старику, пережив-

шему так много на этом свете.

Когда-то, еще до великого Октября, на этих местах, где теперь вы зажгли веселые костры, была между осетинами и грузинами вражда: то у осетин грузинские джигиты угоняли скот, то осетинские парни в грузинском селе украдут девушку... Крови было пролито немало. И советская власть, ребята, в горах трудно устанавливалась. Бедняки, те сразу за Советы встали, за Ленина. А кто побогаче — те к белым подались.

И снова мира не было на границе Осетии и Грузии...

Я старый человек, живу памятью...

Однажды в одном селе грузинские меньшевики убили двух осетин-большевиков. Старик отцы поехали за перевал выкупать убитых. Такой уж был закон тогда в горах. Их пустили. Но ведь вот какое оказалось дело: убитых было трое. Третий русский. И похоронили старики вместе с телами сыновей и тело русского большевика. С тех времен много лет

В своих национальных костюмах приезжают ребята из аулов Грузии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии... на Костер Дружбы

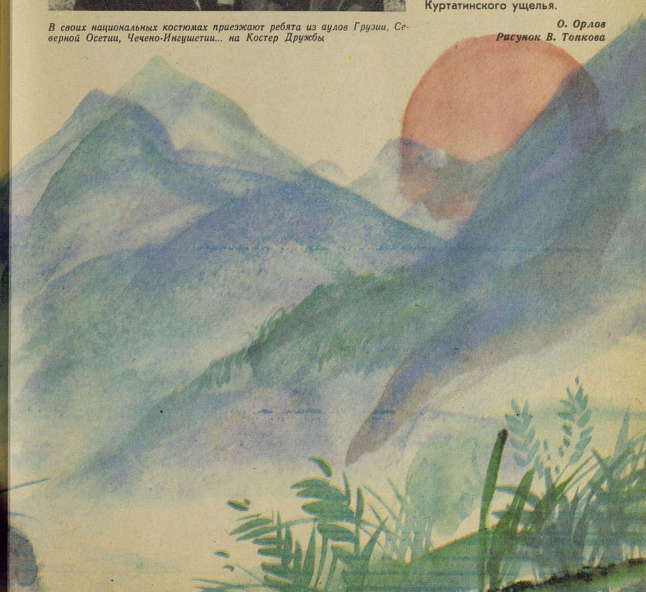
прошло. Осетины и грузины бок о бок вместе воевали против фашистов. Вместе после войны хозяйство своих республик восстанавливали.

И давно о вражде между осетинами и грузинами помину нет, а граница, граница только по карте и проходит. И общий танец «симд» научились вы танцевать, и общий Костер Дружбы зажигать научились. И, может быть, я не к месту рассказал эту печальную историю? А?.. Подбросьте же веток в огонь и простите мне, старому человеку...»

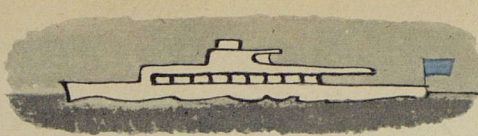
Вот что было рассказано у одного из Костров Дружбы, когда туманы с буковых лесов сползали на красные камни Куртатинского ущелья.

О. Орлов

Рисунок В. Топкова

ЧТО ПОСЕЕШЬ

В. Фролов

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Харкевича

Глава III

В мастерской у известного в городе скульптора Варенцова пыль стояла столбом. Скульптор в длинном грязном халате яростно пилил доски и рейки, крутил какие-то непонятные загогулины из толстой, чуть не в палец, проволоки, и из всего этого мастерил какую-то жуткую конструкцию: не то птицу из сказки, не то скелет марсианина. Он чихал, кашлял и чертыхался. Руки у него были исцарапаны и исколоты, глаза покраснели и слезились, лоб был вымазан глиной, а волосы присыпаны серой пылью.

Мастерской была большая комната с одним огромным во всю стену окном. На полу, на полках, на подставках стояли, лежали, сидели, валялись гипсовые, глиняные, бронзовые, одетые и раздетые люди, а вперемешку с ними отдельные руки, ноги, туловища без рук и ног, головы, пальцы, носы, уши и прочее, и прочее. Вдоль стен торчали глыбы разного камня, стояли мешки с гипсом, а посредине — чан с серой глиной. С потолка свешивались страшные маски. В углу маячила прикрытая, как сава-ном, мокрой простыней какая-то непонятная фигура.

Скульптор Варенцов прикручивал к проволочному скелету какую-нибудь доску, отбегал в сторону, смотрел полминуты, потом подбегал, отрывал доску и приколачивал ее по-другому, хватал проволоку, зажимал ее в слесарные тиски и свирепо колотил молотком, загнывая ее по-разному. Затем опять бежал к скелету и приспособливал эту проволоку к доске. Снова смотрел, снова чертыхался, хватал громадные клещи, выдирав проволоку и приспособлял ее к другому месту.

На присутствующих он не обращал внимания, словно их и не было. А их было четверо — этих посторонних: уже известные вам классная руководительница 6-го «б» Римма Васильевна

и Петр Батурин и новые действующие лица этой повести — два брата Азиатцевы — Гошка и Прошка.

Дело в том, что и Гошка, и Прошка (так же как и П. Батурин) абсолютно не признавали ни литературы, ни искусства. Из воспитательных соображений добрая Римма Васильевна Гарбузова решила их на первых порах познакомить с работой знаменитого в городе скульптора М. М. Варенцова. И вот познакомила. Она смотрела на скульптора и тихонько вздыхала от восторга. Гошка и Прошка, разинув рты, пялили глаза и ничего не понимали. Петр держал рот закрытым, но тоже смотрел на скульптора во все глаза.

— Чего это он? — спросил через некоторое время Прошка, а Гошка покрутил пальцем у виска и вопросительно посмотрел на Римму Васильевну.

Она приложила палец к губам и шепотом сказала:

— Он творит.

— Чего-о-о? — удивились Гошка и Прошка.

Батурин молчал. Этот чихающий и скачущий скульптор ему нравился. Он работал весело, быстро и ловко.

— Он творит, — строго повторила Римма Васильевна. — Он творит замечательную скульптуру.

Гошка и Прошка фыркнули.

— Вот эту? — сказали они хором. — Ну и ну!

Скульптор присел на подставку рядом со скелетом, вытер ладонью пот со лба.

— Римма Васильевна, а зачем вы этих... ох-ламонов ко мне притащили?

— Видите ли, Михаил Михайлович, — застенялась Римма Васильевна. — Они славные мальчики, но я хочу, чтобы они поняли, что искусство — это не забава, а нелегкий и благородный труд. — Римма Васильевна говорила громко и торжественно. — И что самое важное — искусство помогает мыслить и стать полноценным человеком.

Продолжение. См. «Костер» № 9, 1973 г.

— Ну, ну, — добродушно сказал скульптор. Он встал с подставки, взял рейку и начал приколачивать ее к скелету, тянул себя по пальцам, чертыхнулся и швырнул молоток в сторону.

— Ну-ка? — решительно сказал скульптор Варенцов. — Снимайте куртки и рубашки. Живо!

— За-чем? — удивились братцы Азиатцевы.

— Лепить нас будете? — спросил Петр.

— Ну да... — засмеялся скульптор. — Слишком много чести — лепить вас. Работать будем.

Он подошел к чану, захватил пригоршню глины, помял ее и прилепнул к скелету.

— А ну, хватай глину! — крикнул он. — Шлепай. Ты — сюда, ты — сюда, а ты — сюда.

И Гошка, и Прошка, и сам Петр Батурин, сняв куртки и рубашки и оставшись в маечках, начали шлепать куски глины туда, куда показывал им скульптор. Было довольно весело. Глина смачно чавкала, скульптор чихал и покрикивал, Римма Васильевна смеялась до упаду, ребята носились как угорелые от чана к скелету и обратно.

— Теперь ясно, — сказал Петр Батурин.

— Что тебе ясно? — спросил скульптор. — Мне еще не ясно, а ему уже ясно. Ишь, гений какой!

— Человек будет, — сказал Батурин, — скульптура. Вот нога, вот другая, вот — туловище...

— Дошло, — одобрительно сказал Варенцов.

Через полчаса, когда все взмокли, скульптор Варенцов сказал «шабаш» и сел на подставку. Скелета уже не было. Вместо него на подставке стояло что-то еще довольно бесформенное, но уже издали напоминающее человека.

— Гранату, что ли, бросает, — неуверенно сказал Батурин.

— Вроде гранату, — сказал Гошка.

— Ага, гранату, — сказал Прошка.

Скульптор ничего не ответил. Он сидел, устало опустив руки между колен, и задумчиво смотрел в угол на фигуру под простыней. Потом он встал и подошел к ней.

— Ну-ка, станьте подальше, — сказал он и, когда все отошли к дальней стене, быстро сорвал простыню и отбросил ее в сторону.

На небольшом пьедестале стояла на цыпочках тоненькая стройная девчонка. Легкое платье словно трепетало от ветра. Руки были откинuty назад, голова закинута вверх, волосы растрепались. Глаза были полузакрыты, а губы слегка улыбались, как будто она подставила лицо солнцу и ветру.

— Наташка! — ахнул мужественный Петр Батурин.

— Изумительно, — сказала Римма Васильевна.

— Похоже? — спросил скульптор Варенцов мрачно.

— Здорово! — завопили Гошка и Прошка.

— Ну, — сердито сказал скульптор, — умыться, одеваться и марш. Приходите, когда хотите.

Когда все вышли, Римма Васильевна, счастливо улыбаясь, обратилась к ребятам:

— Ну? Каков талант? А?

— Н-не, — сказал Гошка, — это не по мне. С глиной возиться...

— И от пыли чихать, — сказал Прошка.
Римма Васильевна огорченно развела руками.
— Вы не расстраивайтесь, — сказал Прошка. — Мы, конечно, понимаем. Тоже работа. Да, только...

— Игрушки все это, — сказал Гошка.
— Ну вот, — вздохнула Римма Васильевна. Петр шелкнул Гошку по лбу.
— Сам ты игрушка. Ванька-встанька.
— Ишь ты, — обижено сказал Гошка, — какой культурный. А мы лучше лодку ладить будем... — и осекся, так как Прошка сердито стукнул его по затылку.

Петр задумчиво сказал:
— Хитрая вы, Римма Васильевна.
Римма Васильевна растерялась.
— Что ты, Петя?! — сказала она.
— Да ничего, — сказал Петр, — извините. До свидания, Римма Васильевна.

И он побегал домой. У него возникла новая идея. Вообще, надо сказать, что в этом учебном году у Петра Батурина идеи возникали одна за другой. Ну прямо как из мешка дырявого сыпались из него идеи. Вот он и не знал, за какую идею ему ухватиться.

«Да, — несколько огорченно думал Батурин, подходя к дому, — это, наверно, плохо, когда слишком много идей. Надо, наверно, выбрать одну и за нее, как говорит профессор Орликов, драться, бороться и сражаться до победного конца».

За какую именно идею ему надо бороться и с кем именно за нее драться, Петр пока не знал, и это его сердило.

Знаменитый скульптор Варенцов произвел на него довольно-таки сильное впечатление. Пыль, грязь, глина Батурина не испугали. Лихо это у него получается: палки, проволока, глина... А потом уже металлический или каменный этот парень будет стоять где-нибудь на пригорке у реки, за спиной у него будет красный, как пожар, закат, и все будут приходить сюда и смотреть на него и класть к его ногам цветы. И так он будет стоять вечно.

Или та девчонка с растрепанными от ветра волосами. Ее поставят в главном городском сквере среди кустов сирени. И ею тоже будут все любоваться. И все будут думать: вот какая отличная девчонка. И все будут поздравлять мужественного Петра Батурина и говорить, какой он ну просто чудоталанливый и даже почти гени-

альный, а он будет только скромно улыбаться и говорить: «Ну, что вы, что вы...» А Наташа Орликова подойдет и возьмет его за руку, и они гордо пойдут рядом к реке, сядут на перевернутую лодку и будут смотреть на белый пароход, который с веселой музыкой плывет мимо. А потом Наташа скажет...

Стоп, Петр Батурин. Кажется, ты чересчур замечтался. Пока ведь это не ты, а скульптор Варенцов вылепил ту девчонку и творит памятник какому-то парню. Надо будет все-таки узнать, откуда скульптор Варенцов знает Наталью Орликову.

...Петр сунулся на кухню.

— А, явился, — строго сказала Мария Ивановна. — Опять режим не соблюдаешь. Вместо того чтобы учить уроки, он опять где-то шляется. И нос... в глине! Умывайся. Будешь обедать.

— Жиры, белки и углеводы? — спросил Батурин.

— Ага, — сказала Мария Ивановна, — и еще витамины.

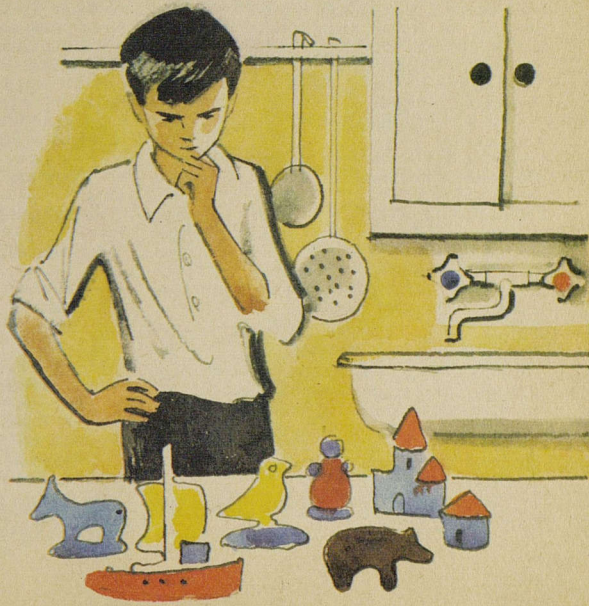
Умываясь под краном на кухне, Петр спросил:

— Мам, а где мои лепешки?

— Никаких лепешек, — строго сказала Мария Ивановна, — будешь лопать, что дают.

— Да я не про то, — сказал Петр. — Помнишь, я в детстве из пластилина лепил? Ты их вроде прятала куда-то.

— В детстве... — фыркнула Батурина-мама. — Ишь, взрослый какой выискался. А-а, —

вдруг сообразила она, — ты, что ли, про фигуры свои разные? — она засмеялась. — Верно, ты их в детстве... тьфу... когда маленьким был, лепешками называл. А зачем они тебе?

— Так, — уклончиво сказал Батури. — Посмотреть хочу.

Мария Ивановна вытерла руки; из пузырька, стоявшего за окном, налила в столовую ложку желтой и жирной жидкости и подошла к Петру.

— Пей, — сказала она и почему-то отвернулась, сморщив нос.

— Что это? — удивленно спросил Батури.

— Пей, тебе говорят! — прикрикнула Батурина-мама. — Рыбий жир. Ви-та-ми-ни-зи-ро-ванный.

— Да что ты, мама? Я его и в детстве-то сроду не пил... — заверещал Петр Батури.

— Открывай рот! Ну!

— Да я... — начал Батури, но Мария Ивановна ловко всунула ему ложку в рот.

— А-а... кхе... кхи... кха... — сказал Батури. — Тьфу!

— Закуси. Корочкой.

— Э-э-э... — сказал Батури, но корочку все же съел. — С чего это ты, мам?

— Хочу из тебя человека сделать, — твердо сказала Мария Ивановна. — Вон Витя Пискарев, смотри, какой розовенький, кругленький и учится отлично. А все почему?

— Кто? Кто? — изумленно спросил Петр.

— Витя... Пискарев, — немножко неуверенно повторила Мария Ивановна.

Петр Батури стиснул зубы так, что каменные желваки заходили на его железных скулах. Ах, вот откуда ветер дует... Он промолчал, но про себя подумал... Пожалуй, не будем уточнять, что подумал про себя мужественный Петр Батури. Очень плохо подумал он о Витеньке Пискареве.

— Так где то, что я лепил? — сурово спросил Петр.

— Сейчас, сейчас, — заговорила Мария Ивановна, и любопытство так и засветилось в ее глазах.

Она убежала в комнату. Петр Батури стоял у окна и насвистывал какой-то мужественный мотив. Очень быстро Мария Ивановна принесла ящик из-под посылки и осторожно поставила на стол. Сняла бумагу, покрывавшую ящик, и сказала немножко грустно:

— Вот твои... лепиники. Ты их так тоже называл... когда был маленьким.

Краем глаза, словно нехотя, Петр заглянул в ящик. Там в образцовом порядке стоял веселый зоологический сад, и плыл огромный парусный флот, и высились сказочные замки. У Петра почему-то слегка зашипило в носу. «Ишь ты, — подумал он, — все сохранила. Ай да мам!»

— Ладно, — сказал он вслух, — посмотрю после обеда.

После обеда он аккуратно выставил все из ящика на подоконник и начал рассматривать весьма внимательно. Мария Ивановна тоже подошла к окну и тоже смотрела.

— А неплохо у тебя получалось, — сказала она. — Вот этот, смотри, совсем как живой... кабанчик.

— Медведь это, — буркнул Петр.

— Верно, верно — медведь. А вот ослик...

— Собака это, — сквозь зубы сказал Петр.

— Петь, а давай купим пластилина, — сказала Мария Ивановна осторожно. — Может, опять займешься. Все лучше, чем металлолом разный.

— Посмотрим, — мрачно сказал Петр и, тяжело вздохнув, направился в комнату делать уроки. За этим печальным делом он просидел очень долго — до самого ужина, потому что в голове у него бродили всякие не относящиеся к урокам мысли.

Ночью Петру Батури снились какие-то скелеты из досок и проволоки, они разгуливали по квартире и клацали челюстями, и скульптор Варенцов, похожий почему-то на Римму Васильевну, огромным молотом забивал в паркетный пол здоровенную сваю и кричал, что вот это-де настоящая работенка.

На следующий день в школе, в одну из перемен, Петр Батури разыскал Римму Васильевну и спросил:

— А зачем вы все-таки нас к этому скульптору повели?

— Ну... — Римма Васильевна слегка смутилась. — Ну, я думала, что вам интересно будет. И вообще... Каждый современный культурный человек должен...

— Ну, ясно, — скучным голосом сказал П. Батури. — Спасибо.

И, засунув руки в карманы, он не спеша пошел по коридору. Встретив на лестничной площадке Витю Пискарева, он стал его внимательно разглядывать. Даже поворачивал из стороны в сторону.

— Чего это ты меня изучаешь? — спросил Витя.

— Ты рыбий жир пьешь? — спросил П. Батури.

Витю Пискарева даже перекосило.

— Пью, — сказал он с отвращением.

— Вита-ми-ни-зи-ро-ванный?

— Ага.

— Эх, ты!

— А я-то тут при чем? Это мама.

То, что Витю перекосило от одного упоминания о рыбьем жире, Батурина несколько примирило с ним, но все же не настолько, чтобы простить Витеньке прочие белки и углеводы и драконовский домашний режим.

— Чудо-юдо мальчик, прямо, — сказал Батури. — Тошнит даже.

И он пошел в класс. На душе почему-то было мутно.

Глава IV

В один прекрасный день Петр Батуриин стоял на площадке у дверей своей квартиры и раздумывал — не подняться ли ему на этаж повыше и не заглянуть ли к профессору Орликову, благо тот приглашал? Наконец, обругав себя трусом и слабаком, он решительно пошел вверх. У самых дверей профессорской квартиры мужественный Петр Батуриин вспотел и сердце у него заекало. За дверью раздавались довольно громкие и разнообразные голоса, но их покрывал могучий бас Вениамины Вениаминовича. Он рокотал сердито, и Петр Батуриин обрадовался, что можно сегодня не заходить.

Он повернулся, и в это время распахнувшаяся дверь толкнула его в спину так, что он отлетел на другой конец площадки. Из квартиры вылетели взъерошенные Котька из 6-го «а» и второй Наташин брат Волька, четвероклассник. Дверь за ними тут же захлопнулась.

— Жуть! — сказал Котька, почесывая затылок. — Восемь баллов, не меньше.

— Девять, — возразил Волька.

— Что это вы? — спросил Петр.

— А, Батура. Здорово! — сказал Котька. — Ты чего тут торчишь?

— Да я... — замыслил Батуриин, — так, вообще...

— Он к Наташке, — пропищал Волька и хихикнул.

— Ну да, — недоверчиво сказал Котька. — Чего это вдруг?

— А он в нее влюбился, — на этот раз басом сказал Волька. — Я знаю.

Батуриин от неожиданности икнул, бедняга. Котька во все глаза уставился на него, и рот у него расползся до ушей.

— Да ты не стесняйся, — сказал он с уважением посмотрел на своего младшего братца. — Раз Волька сказал, значит, точно. Он все знает. Иди, она дома.

Батуриин собрался с мыслями и принял гордый вид.

— И вовсе я не к ней, а к Вениамину Вениаминовичу.

— К батю?! — слегка удивился Котька. — А зачем он тебе?

— Мое дело, — сурово сказал Батуриин.

— Ну, давай, — согласился Котька. — Раз дело, иди. — Он засмеялся. — У него как раз настроение подходящее.

Он быстро нажал кнопку звонка, а сам, притянув к себе Вольку, прижался в угол. Батуриин ничего не успел предпринять, так как дверь открылась молниеносно, как будто кто-то специально стоял за ней и ждал звонка.

— Вам кого, молодой человек? — спросила маленькая сухонькая старушка, не то тетя Пуся, не то тетя Гуся.

— Я...мне...можно... — забормotal Петр.

— Ему Наташку, — пропищал из угла Воль-

ка. — Он в нее... м-мм... — он замычал, так как добрый Котька зажал ему рот.

— Пожалуйста, — вежливо сказала тетя Пуся или Гуся.

Она посмотрела куда-то внутрь квартиры и прислушалась. Там было тихо.

— Проходит, — она широко раскрыла перед Батуриным дверь, а сама вышла на площадку и сказала Вольке и Котьке громким шепотом: — Вы еще здесь? Учите, я снимаю с себя всякую ответственность.

Котька и Волька молча, но стремительно посыпались вниз по лестнице.

— Так вы к Наташке, юноша? — спросила тетя Пуся.

— Да я, вообще-то... — замыслил Батуриин, но в это самое время в переднюю вышла, «как мимолетное виденье, как гений чистой красоты», старшая дочь профессора Орликова, студентка Нина.

— Что это за славный мальчик? — спросило мимолетное виденье.

— Понятия не имею, — сказала тетя Пуся. — Он требует Наташу.

— Вовсе я не требую! — возмутился Батуриин.

— Как вас зовут? — ласково спросила прекрасная студентка Нина.

— Петр, — откашлявшись, сказал Батуриин. — Я...

— Очень приятно, — Нина приоткрыла дверь в комнату справа, позвала: — Натали! Я пошла. К тебе пришел славный, милый, приятный и очень воспитанный мальчик по имени Петруччио.

И она исчезла, а Петр, как истукан, остался стоять в передней. «Вот влип, окаянная сила! — думал он со злостью. — Как бы смыться?» На цыпочках он направился к выходу, но был остановлен удивленным возгласом:

— Батуриин?!

Ах, Петр Батуриин, Петр Батуриин, куда девались ваши мужество, гордость и прочие положительные качества? Как дрожащий цыпленок, как мокрая курица, как жалкий червяк, предстали вы пред ясными очами Натали Орликовой. Уши горят, во рту пересохло, колени трясутся и язык прилип к гортани — слова не вымолвить. Фу, какое жалкое зрелище!

Он молчал.

— Ты ко мне? — спросила Наташа и засмеялась. — Вот сюрприз! Раз пришел, так заходи. — И она втянула его в комнату, сказав при этом кому-то, кто стоял у окна: — Подумайте, са-а-а Батуриин собственной персоной! Легко на помине.

«Будь что будет», — устало подумал Батуриин и поднял голову. У окна стояла девушка с веснушками и пушистым хвостиком на затылке, Алена Братусь. Только этого и не хватало Петру Батуриину. Пропал он, бедняга. Заключают.

— А знаешь, — весело сказала Алена Братусь Наташе. — Это даже хорошо, что он пришел. Вот мы с ним и посоветуемся.

— С ним? — слегка презрительно переспросила Наташа. — Как же с ним советоваться, когда ему на всех наплевать.

— Почему наплевать? — проглотив слюну, спросил Батурин. — И почему на всех?

— А как же? — горячо сказала Наташа. — Всем хамить и воображаешь о себе невесту что. Не так?

— Не так, — твердо сказал Батурин. — А если вы считаете, что так, то и разговаривать нам не о чем. И вообще, я не к вам пришел, а к Вениамину Вениаминовичу.

И Батурин решительно направился к двери.

— Ах, ты к папе... — сказала Наташа, и Батурину показалось, что она разочарована и даже обижена вроде.

«Ага, — подумал он, — ты и верно решила, что я к тебе. Дудки!»

— Да, — сказал он железно, — я к профессору.

— Ну и пожалуйста, — сказала Наташа и отошла к окну.

В прихожей послышалась слоновья поступь, в дверь постучали, и профессорский бас спросил:

— Можно?

— А-а! О-о! — сказал профессор, увидев Петра. — Здравствуйте, юный Кулибин, Фультон и Эдисон. Р-р-рад вас видеть. Как ваши дела? И как вас принял дед Веретей? Почему вы так долго не появлялись? И отчего у вас ошпаренный вид? А-а, понимаю. Эти девицы, наверно, вас за что-нибудь шпыняют. Меня тоже мои дамы не понимают и шпыняют.

— Тебя пошпыняешь, — засмеялась Наташа.

— Не говори, — сокрушенно сказал профессор Орликов, — тетка Пуся и тетка Гуся — эти две змеи, две гиены, две волчицы — сказали, что будут запирать меня в ванной, если я буду тиранить своих бедных детей. Это я тир-р-ран? — зарычал профессор. — Я, котор-р-ый...

Дверь открылась, и в комнате появились тети Пуся и тетя Гуся.

— Опять вы рычите, профессор? — строго спросила тетя Гуся.

— Чем провинились перед вами эти дети? — так же строго спросила тетя Пуся.

Боком протискиваясь к двери, профессор крикнул:

— За мной, Кулибин! Мы мужчины, и у нас свои дела. Сейчас мы запрем этих свирепых волчиц в ванну и будем держать их там на хлебе и воде.

Старушки выскочили в переднюю.

Батурин вопросительно посмотрел на Наташу.

— Иди, — сказала она довольно дружелюбно.

— Только... — сказала Алена, — когда кончишь свои дела, приходи к нам. Ладно?

— Лады, — сказал Батурин и вышел.

Тети Пуся и тетя Гуся в передней уже не было, а профессор поджидал Петра. Они пошли в его кабинет, уселись в кресла друг против друга.

— Вы и правда их в ванную заперли? — спросил Петр.

Профессор Орликов с любопытством посмотрел на него и серьезно кивнул.

— А как же, — сказал он, — с ними иначе нельзя.

— Что вы?! — испугался Батурин. — Они же старенькие.

Он встал.

— Куда? — спросил профессор.

— Я их выпущу, — решительно сказал Петр.

— Сиди! — рявкнул профессор. — Сиди, Дон-Кихот Ламанчский, заступник оскорбленных и униженных, благородный д'Артаньян — сиди!

От неожиданности отважный Петр Батурин плюхнулся обратно в кресло.

— А-а, — сказал он. — Вы, наверно, шутили. Да?

— Догадался, — буркнул профессор. — У тебя, что же, чувства юмора нет?

— Е-есть, — не очень уверенно сказал Батурин. — Только...

— Никаких «только», — сурово сказал профессор.

— А зачем вы меня звали, Вениамин Вениаминович? — спросил Петр.

— Видишь ли, — воодушевился профессор, — пришла мне в голову одна идея. Вернее, это ты подсказал мне одну идею...

— Я?! — удивился Петр.

— Ага, — сказал профессор. — Ты. Но сначала я хочу тебя кое о чем расспросить. Только откровенно.

— Пожалуйста, — сказал Батурин.

— Вопрос первый: знаешь ли ты, что делает твой отец?

— То есть как, что делает? Работает, что ли, кем?

— Это-то ты, наверно, знаешь. А вот как работает и что именно делает?

— Н-ну, работает хорошо. На городской Доске почета его фото есть. А что делает? Токарь он.

— Так. А что конкретно твой отец делает, ты не знаешь.

— Почему не знаю? Детали... разные делает.

— Какие?

— Н-ну, эти... как их...

— Не знаешь, — удовлетворенно сказал Вениамин Вениаминович. — Вопрос второй: сколько на нашем заводе профессий? И какие ты знаешь?

— Токарь, слесарь, фрезеровщик, — начал Петр, загибая пальцы, — сверлиль... сверловщик...сварщик...э-э-э...монтер, м-м-м...этот... как его, ага, фрезеровщик...

— Говорил уже.

— Н-ну, потом... э-э... сталь который выпускает... потом...м-м...

— Не знаешь.

Петр пожал плечами.

— Вопрос третий, — продолжал профессор, — кем работает твоя мама?

— Она, — бодро начал Батурин и запнулся, — она...это... она, ну в общем...

— Не знаешь! — жестко сказал профессор Орликов.

Петр опустил голову — его прямо в жар бросило.

— Остальные вопросы я тебе задавать не буду. Бессмысленно. Вот ты мне тогда в машине сказал, что хочешь быть рабочим. И мне это очень понравилось. Оказывается, ты это сказал из пижонства. И это мне не нравится. Молчи! Возиться с железом и инструментами в твоем возрасте дело хорошее. Но ты вот что мне скажи: что-нибудь путное ты уже сделал или только собираешься?

Петр поднял голову и начал лихорадочно перебирать в памяти, что же он все-таки уже сделал. И — о ужас! — оказалось ровным счетом ничего. Пшик. Только гениальные планы строил и собирал всякий хлам. И он опять опустил голову.

— Значит, — сказал профессор, — мать не зря твой металлолом выкинула, а я, значит, зря отвоз его к золотому деду Веретею! Так, что ли?

Петр отчаянно замотал головой.

— Не понял, — сказал профессор, — зря или не зря?

— Не зря, — выдавил Петр.

— Ну, ладно, — сказал профессор и посмотрел на часы, — считай, что этот разговор у нас предварительный. А сейчас иди к девочкам, да не очень-то позволяй себя шпынять. Ступай и на меня не обижайся. Я человек прямой. Впрочем, я слышал, что ты тоже ужас какой прямой человек.

Профессор встал, пожал ему руку. И Батурин вышел за дверь кабинета.

Наташа была одна.

— Досталось? — спросила она сочувственно.

— Вот еще, — сердито буркнул Батурин.

— Ничего, — примирительно сказала Наташа, — ты не обращай внимания. Он сегодня с утра бушует. А так — он добрый. Не бойся.

— А я и не боюсь, — гордо сказал Петр.

— И правильно, — улыбнувшись, сказала Наташа. — Знаешь что, пойдём на реку сходим. Погода мировая — последние денечки.

— П-п-пойдем, — сказал П. Батурин, удивленный чуть не до потери сознания.

На пути их оказался Кешка, по прозвищу Фикус. Они его не заметили, а жаль, так как это будет иметь последствия. Дело в том, что Фикус, прячась за углами домов, в подъездах и за деревьями, крался за ними, как ищейка. Что ему было надо, этому коварному Фикусу?

Батурин с Наташей не видели его и шли, каждый думая о своем. Наташа временами искося посматривала на довольно-таки мрачного Петра и слегка чему-то улыбалась. И когда Батурин замечал эту ее странную улыбочку, он принимал совсем уж суровый вид, а сам не знал — радоваться ли ему или огорчаться. Мысли у него разбегались в разные стороны, и он находился в состоянии какой-то неустойчивости.

Но, в конце концов, погода была действительно прекрасной. Город раскрывался перед ними новыми белыми домами, в окнах которых сверкала солнце, скверами и парками с могучими соснами, кедрами и лиственницами, сооружениями из бетона, стекла и стали, новыми корпусами заводов, высокими башенными кранами строек, широкими спусками к реке и всем, что есть в молодом городе, где все жители одновременно и старожилы и новоселы.

И какой парень, особенно если он из 6-го «б», гвардейского и непромокаемого, да в такой погожий денек, идя по такому молодому и веселому городу, да еще если рядом с ним идет та самая... какой парень будет долго мусолить всякие переживания? И он уже не шел, а парил. Он все-таки был оптимистом, этот Петр Батурин, он верил, что все будет хорошо.

— Ура! — громко сказал он.

— Что? — удивленно спросила Наташа. — Почему «ура»?

— Просто «ура!» — сказал Петр и засмеялся. — Слушай, а о чем вы с Аленой хотели говорить со мной?

— Да так... — уклончиво сказала Наташа, — сейчас, пожалуй, не нужно.

— Ты что, мне не доверяешь? — обиженно сказал Батурин.

Наташа посмотрела на него сбоку и фыркнула.

— Да ладно тебе. Тоже мне — красная девица. Так и быть, кое-что я тебе скажу. Тебя ребята, в общем-то, уважают.

Батурин скромно опустил голову и тут же почувствовал, что он начинает расти и надуваться. И когда он дорос до верхушки самой высокой сосны, Наташа сказала:

— Только ты, пожалуйста, не воображай. Можно и без тебя обойтись. Надулся как индюк.

Шлепнувшись с верхушки самой высокой сосны, Батурин сразу превратился в обыкновенного Батурина со всеми его недостатками.

— Коли говорить — говори, — проворчал он. — А коли нет, так — до свидания.

— Хорошо, Петя, — сказала Наташа, посерьезнев. — Вот что. Алене надо помочь. Она очень хорошая и очень хочет с нами подружиться. Как Боря. А наши гаврики... Сам знаешь, какие они.

— Она, вроде, и верно ничего девчонка, — задумчиво сказал Батурин. — Вот тогда хоть и обиделась, но не рассердилась. Можно помочь.

— А как? — спросила Наташа.

Батурин наморщил лоб и стал усиленно думать, но с ходу у него ничего не получалось. Он махнул рукой и бодро сказал:

— Ладно. Я подумаю и тебе скажу. Идет?

— Идет, — сказала Наташа, — я тоже подумаю. Только это надо делать быстрее, потому что Олимпиада сказала Алене, что ее заберут от нас, а нам дадут Гришку Голубенцева, знаешь, очкарик такой из десятого «а».

— Дудки! — сказал Петр Батурин жестко. — Не пройдем.

Он уже хотел разразиться одной из своих речей, так как чувствовал себя в ударе, но почему-то не разразился, а сам прихлопнул вовремя рот и немного удивился этому. «Ишь ты, — подумал он, — эта девчонка на меня, кажется, здорово влетает...»

Некоторое время они молча шли к реке. Неподалеку от хаты деда Веретея они сели на старую перевернутую лодку. По реке плыл большой белый пароход. Солнце уже почти село, и только его последние красноватые лучи освещали верхушки сосен.

Коварному Фикусу надоело прятаться за соснами, и он, коварно усмехаясь, ушел домой. Надо прямо сказать, что смотался он вовремя, потому что состояние невесомости достигло у Петра Батурина невероятных пределов, и он...

И он... Он... поцеловал Наташу в щеку. В упругую прохладную щеку, пахнущую как-то по-особенному...

На том берегу реки вдруг вспыхнул костер. Как будто на тлеющие угли плеснули бензином. Огромное пламя взметнулось ввысь, заиграло сверкающей дрожавшей дорожкой по черной реке, упало, а потом поднялось снова — смелое и веселое. А Наташина рука, которую он держал в своей руке, стала жесткой и резко высоводилась. И мужественный Петр Батурин испугался.

— Не сердись, — попросил он. — Ну, хочешь... хочешь, я реку переплыву?

Наташа ничего не ответила. Она встала и, вздернув круглый свой подбородок, ушла, даже не обернувшись.

«Ну вот, — уныло подумал Батурин, — придется плыть». И он нехотя стал раздеваться. Потом заснул бараклишком под старую лодку и медленно пошел к воде, ругая свой характер.

Страх как не хотелось плыть. И вода, наверно, холодная! Плыви теперь, а она даже и не увидит.

Он зашел в воду чуть выше колен, и вода показалаась ему совсем ледяной и, не решаясь сразу нырнуть, он стал, как это делают старички, побрызгивать на себя ладошкой. А потом разозлился и с маху кинулся в воду. Он вынырнул и оказался прямо на сверкающей золотисто-красной дорожке. Вода обтекала его мягкими струями и уже была совсем теплой и ласковой. Он плыл спокойным брассом, и пламя костра вдалеке плясало и манило его своими оранжевыми веселыми руками.

Продолжение следует

СИГНАЛ *SOS* ПОСЫЛАЕТ РАСТЕНИЕ

Когда и сколько нужно хлопку воды? Ведь хлопок растет в среднеазиатских республиках, где воду приходится расходовать разумно, с наибольшей пользой.

Наш корреспондент Т. Чесанова посетила Ленинградский агрофизический институт. Она рассказывает:

— Сотрудники лаборатории биокрибернетики я застала за сборами в Узбекистан на опытную хлопковую станцию. И что удивительно, они брали с собой лишь крохотные, величиной с ноготь, приборы — микротермистер (полупроводниковый градусник) и гигрометр (им определяют водный обмен у растения) и другие.

— Когда мы видим, что цветок завял, — сказал руководитель лаборатории В. Г. Карманов, — поливать его уже поздно. Но ведь сигнал о том, что растение испытывает жажду, оно посылало нам

гораздо раньше! Но мы не умели вовремя его уловить.

— А можно ли сигналы «SOS» принять, как только растение их подает?

— Мы с вами, конечно, их не воспримем (пока растение не начнет уже погибать). Но эти крохотные тончайшие приборы уловят сигналы «SOS» и переведут их на язык, понятный людям.

Очень осторожно, чтобы не повредить растение, ученый укрепил полупроводниковый термометр и другие микроприборы на стебле и листьях огуречной рассады. Включил датчики в электрическую сеть, и каждый прибор начал отмечать температуру, водный обмен, как дышат клетки и пульсируют ткани растений. Тончайшие провода соединяют датчики с графическими табло. Читаем на них записи: на одном экране ровные зигзаги. «Растению достаточно во-

ды», — поясняет В. Г. Карманов.

На втором экране линия поползла вверх. Второе растение хочет пить.

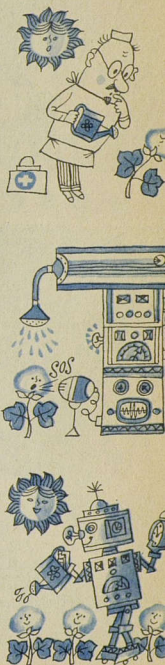
— Сейчас мы поможем ей. — И ученый подсоединяет к цепи приборов еще несколько.

Раздался щелчок. Он означал, что сигнал «пить» передан следующему прибору. И вот уже загорелась новая лампочка — это приказ: открыть клапан у резервуара с водой.

И верно, вода полилась. Огурец наполнился без помощи человека.

Эту аппаратуру ленинградские ученые применяют на хлопковых плантациях. А потом хлопкоробы Средней Азии получают точные указания, как поливать растения.

В дальнейшем биокрибернетики надеются с помощью автоматики научиться управлять всей жизнью растения — чтобы урожаи злаков, овощей, фруктов стали еще богаче.

ДЕЛЬФИНЫ

Евгений Фейерабэнд

В океанской дальней дали
Шли мы день за днем.
И дельфины танцевали
Рядом с кораблем.

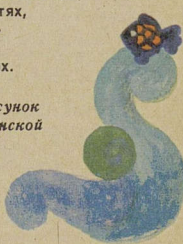
Акробатами летели
По крутым волнам,
И казалось, в самом деле
Родовались нам.

Словно были мы знакомы,
Виделись не раз,
Дескать, чувствуете как дома
Вы себя у нас!

Мы их видели со шканцев,
С бака и кормы,
Их стремительному танцу
Улыбались мы.

И хоть волны крепко били,
Ветер выл в снастях,
Так мы плыли —
Словно были
У друзей в гостях.

Рисунок
Н. Флоренской

А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?

«Здравствуйте, дорогая редакция!

У нас в классе на классном часе прошла беседа «В жизни всегда есть место подвигам». Мы раскрывали смысл самого слова «подвиг». И на один вопрос: «Случайно ли совершаются подвиги?» почти все ответили: «Да». Но мне кажется, что подвиги совершаются не случайно. Почему? А потому, что когда человек попадает в сложную обстановку и напрягает все свои силы, подвиг зависит от человека, а не от обстановки. А вы как думаете?

Тамара Мерзлова»

На письмо Тамары Мерзловой мы попросили ответить писателя
Бориса Николаевича Никольского

Дорогая Тамара!

Спор, который возник между ребятами в вашем классе, по моему, и очень интересный, и очень важный.

Хочу сразу же сказать: ты, конечно, права, когда считаешь, что подвиг в жизни не совершается случайно. Но вот давай попробуем разобраться, почему ты права, попробуем убедить тех ребят, кто был с тобой не согласен.

Расскажу сначала очень простую историю. Как-то, когда я служил в армии, на политзанятиях в нашем взводе между солдатами возник примерно такой же спор, как и у вас в классе. Обсуждалась заметка, опубликованная в газете, — в этой заметке речь шла о солдате, который, проходя по берегу бурной речки, увидел тонущую девочку, бросился в воду и спас ее. Офицер, руководитель политзанятий, спросил: «Как вы думаете, какими качествами должен был обладать солдат, чтобы совершить подобный поступок?» Ответы посыпались один за другим.

- Храбростью!
- Выносливостью!
- Мужеством!
- Решительностью!

— Правильно, — сказал офицер, — все это правильно...

И тут вдруг поднял руку самый тихий, самый неразговорчивый солдат в нашем взводе.

— А по-моему, — смущаясь, сказал он, — этот парень еще должен был уметь плавать...

Все засмеялись, а офицер сказал:

— Конечно, это само собой разумеется...

Между тем, если подумать, эти слова о том, что солдат «еще должен был уметь плавать», были не так уж наивны, как может показаться на первый взгляд. Ведь не умея солдат плавать, и его храбрость и решительность могли бы оказаться бесполезными — он бы попросту утонул вместе с девочкой. Значит, очень важно, чтобы человек, кроме готовности совершить подвиг, обладал бы еще силой, умением, знал бы, как надо поступить в решающий момент.

Кстати, у меня есть знакомый, которому однажды пришлось попасть в сходную ситуацию. Он шел по Литейному мосту через Неву, когда увидел тонущего человека. Не колеблясь, он прыгнул в воду и спас

тонущего. Конечно, в этот момент и на мосту, и на набережной были и другие люди, и все они, конечно, хотели прийти на помощь гибнущему человеку, но вот сделал это почему-то только один. Почему? Одни люди попросту растерялись, другие не знали, как поступить, третьи не были уверены, что справятся с быстрым течением реки. А тот человек, о котором я рассказываю, долгое время служил на флоте, был смел и решителен, умел ориентироваться в неожиданной обстановке, именно потому он первым бросился в воду. Конечно, то, что в эту минуту он оказался на мосту, было случайно, но то, что он решился на подобный поступок, уже не случайность. Иначе говоря, он внутренне, по складу своего характера уже был подготовлен к такому поступку.

Случай, о котором шла речь, пожалуй, было бы слишком громко называть подвигом, скорее это просто смелый, мужественный поступок, но от смелого поступка до подвига — один шаг.

Или возьмем другой пример. Сапер обезвреживает оставшиеся после войны бомбы, мины.

Безусловно, чтобы остаться один на один с неразоружившейся бомбой, нужно огромное мужество, хладнокровие, но нужно и подготoвка, нужно мастерство, умение. Сапер сознательно идет на риск. Он храбрый человек, но он делает все для того, чтобы выполнить свою работу и не погибнуть. И если все-таки какая-нибудь сто первая или тысяча первая бомба оказывается для него роковой и взрывается раньше, чем ему удастся разгадать ее коварный секрет, мы преклоняем перед ним голову и говорим: «Он до конца выполнил свой долг, он совершил подвиг». Но если мину или бомбу случайно находит мальчишка — а до сих пор еще нередки такие случаи — и, чтобы шегольнуть своей храбростью, начинает ковырять и развинчивать ее, и мина взрывается, а мальчишка остается инвалидом на всю жизнь, мы не скажем, что он совершил подвиг, мы скажем, что он поступил глупо, безрассудно и своим поступком не принес ничего, кроме горя, и себе, и своим родителям... Потому что в его действиях не было никакой необходимости, никакого смысла.

Мне кажется, глубоко ошибаются те — а подобных людей немало, — кто считает при-

мерно так: неважно, что у меня расхлябанный характер, неважно, что я чему-то не выучился как следует, что к своему повседневному делу я отношусь кое-как, зато, мол, когда будет нужно, в решающий миг, я уж не пожалую себя, я покажу, на что я способен. Нет, неправда, так не бывает, или, если бывает, то лишь в редких, исключительных случаях.

Не надо забывать, что очень многое, если не все, зависит от характера человека, от тех черт, которые закладываются, воспитываются еще в детстве. Один человек торопливо пройдет мимо, если на его глазах будет слабого, беззащитного, а другой не стерпит, вмешается; один человек бросится в панике прочь, если рядом вспыхнет цистерна с бензином, а другой храбро и умело — подчеркиваю: умело — кинется тушить пламя, чтобы не произошел взрыв; один человек застынет в растерянности, видя ребенка, который вот-вот сорвется с края балкона, а другой, не теряя ни секунды, ринется на помощь, пройдет по карнизу, сумеет в последний момент подхватить малыша... Разве все это случайно?

И сила воли, и выносливость, и смелость, и умение принять верное решение в считанные секунды — все это не приходит само собой в один прекрасный момент, все это вырабатывается в человеке постепенно, день за днем, шаг за шагом. И начинается воспитание характера с мелочей — об этом тоже не стоит забывать.

Всему миру известен подвиг Юрия Алексеевича Гагарина — человека, впервые продолжившего дорогу в космос. Но кто же возьмется утверждать, что этот подвиг был случаен? Кто не знает, как долго, тщательно, как самоотверженно готовился Юрий Гагарин к своему полету!

А молодогоardeйцы? Разве случайно именно Олег Кошевой и его товарищи создали подпольную организацию, не побоялись вступить в смертельную схватку с врагом? Та атмосфе-

ра, в которой они росли, их отношения между собой, в школе, в семье, пример старших товарищей, книги, которые они читали, песни, которые пели, — все это научило их любить свою Родину и ненавидеть врага, подготовило к свершению подвига.

Конечно, мне могут сказать: не каждому в жизни выпадает стать космонавтом или лицом к лицу встретиться с врагом. Большинство людей занято будничной и, казалось бы, совсем не героической работой. И как же быть тогда с утверждением о том, что в жизни всегда есть место подвигу?

Вот тут я и подхожу к очень важному, на мой взгляд, разговору. Мне кажется, нередко мы чересчур легко произносим слово «подвиг» — это во-первых. И понимаем его слишком прямолинейно, упрощенно — это во-вторых. «В жизни всегда есть место подвигу» — и вот мы уже начинаем озираться по сторонам — кого бы спасти из горящего дома или выхватить из-под колес несущегося поезда. А если дома не горят и на железной дороге все спокойно, мы чувствуем себя вроде бы слегка обманутыми: как же так, ведь говорили, что подвигу всегда есть место, а где же он?..

Честно говоря, когда я служил в армии, я тоже частенько мечтал совершить какой-нибудь, ну если не подвиг, то, по крайней мере, героический поступок. Особенно часто такие мысли приходили в голову ночью, на посту. Читал же я в газетах — бываю подобные случаи: то от короткого замыкания пожар на посту вспыхнет, и часовая отважно борется с огнем, то тормоза у машины в нужный момент откажут, и шофер, рискуя жизнью, направляет ее в кювет, то граната не разорвется — и опять риск, опасность... Но в нашей части, как нарочно, ничего подобного не случалось. И пожар на посту не вспыхивал, и машины работали исправно, и гранаты взрывались, как им положено... И

вот однажды я неожиданно подумал: а ведь это очень хорошо! И жалеть тут совершенно не о чем! Ведь это значит, что те люди, кто изготавливает на заводах гранаты, а потом хранит их на складах, — все эти люди по-настоящему хорошо делают свое дело!

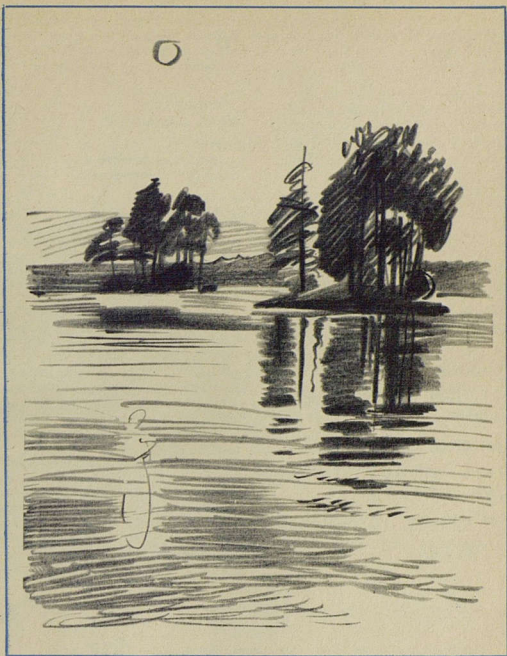
И теперь, уже давно отслужив в армии, я часто возвращаюсь к этим мыслям. Подвиг, совершаемый в мирные дни, порой ведь имеет и оборотную, теневую сторону. Как часто он бывает исправлением чьей-то ошибки, небрежности, расхлябанности, халатности! Человеку приходится рисковать, а то и жертвовать своей жизнью порой только потому, что другой человек кое-как, безответственно отнесся к своему делу, к своим обязанностям! Вот происходит железнодорожная авария — об этом случае писали наши газеты — сталкиваются два состава, машинист ценой собственной жизни предотвращает гибель многих людей... Подвиг? Да, безусловно. Мы восхищаемся этим человеком, мы славим его мужество, мы называем его героем. Но не мешает вспомнить и о том, по чьей вине произошла катастрофа, — о дежурном, который перепутал автоматические стрелки, который был преступно небрежен в своей работе. Отнесись он добросовестно к своим обязанностям, и машинисту не пришлось бы расплачиваться жизнью за чужую халатность...

Таких примеров немало.

Вот я и думаю: может быть, самое главное в жизни человека — это прежде всего честно и добросовестно, не позволяя себе скидок и поблажек, изо дня в день делать порученное тебе дело, тщательно выполнять свою работу, пусть порой трудную, порой скучную, но так необходимую другим людям. Может быть, это и есть самый главный, хотя и не всегда заметный, подвиг в человеческой жизни...

Желаю, Тамара, тебе и твоим товарищам успехов. Всего доброго!

Б. Никольский

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Рисунки И. И. Харкевича смотри на IV стр. обложки

Совсем еще неопытным юношей начал сотрудничать в «Костре» художник Иван Иванович Харкевич. Первым крупным его достижением были правдивые, как бы выхваченные из жизни рисунки к роману В. Каверина «Два капитана». А напечатаны они на страницах журнала — подумать только! — тридцать пять лет тому назад. И сколько с той поры поколений юных читателей встретилось с творчеством Ивана Ивановича!

В «Костре» Харкевич часто иллюстрирует и повести, и рассказы, и стихи... А какое множество книжек А. Куприна, А. Пантелеева, И. Василенко, К. Золотовского и других любимых ваших писателей вышло в свет с чудесными рисунками этого художника.

Но силы своего таланта художник отдает не только книгам и журналу. Часто на выставках в Москве и Ленинграде зрителей останавливают выразительные, одухотворенные портреты рабочих, солдат, художников, рыбаков, юных пионеров. Их нарисовал Иван Иванович Харкевич. Нескончаемый цикл его акварелей, где отражена красота родной природы. побережье Черного моря, суровая Прибалтика...

Трудно поверить, что художнику И. Харкевичу скоро шестьдесят лет. Он неутомим совершенно как в юности.

Б. Семенов

Оформление
Г. Никеева

Многие ребята спрашивают,
как снимаются фильмы,
и сколько на это уходит
времени.

Отвечает
Игорь Борисович
Каракоз,
заместитель директора
киностудии «Ленфильм»

Сами киностудия — это большое
предприятие. Как завод или фабрика.
И живет оно по законам завода или
фабрики.

В КИНОСТУДИИ КАК НА ЗАВОДЕ

Художник взял кисть и подошел
к чистому полотну.
Сколько времени понадобится художнику,
чтобы нарисовать картину? Никто не ответит!

Представьте себе, что в этот же
момент на одной из киностудий режиссер
приступил к работе над фильмом. Ответит ли он на вопрос,
который мы задавали художнику?

Да. Ответит с точностью до одного
дня.
И вот почему. Кинорежиссер, ка-
бы он ни был талантлив, каким бы
знаменитым ни обладал, один картины
не поставит — только с помощью
многих людей, специалистов самых
разных профессий. И таких профес-
сий больше сотни.

Турбину, станок, тепловоз созда-
ют на заводе точно в срок и по госу-
дарственным стандартам. И каждый
метр фильма и весь фильм в целом
так же снимают по строгим техни-
ческим стандартам и в срок, кото-
рый записан в плане. Нарушить
срок могут лишь чрезвычайные об-
стоятельства: болезнь режиссера или
главного героя, стихийное бедствие...

СЕРИЯ,
ЦЕЛИКОМ СОСТАВ-
ЛЕННАЯ ПО ПРОСЬ-
БАМ РЕБЯТ

Песня о сером слоне,
который на самом деле
розовый

КАК СНИМАЮТ КИНО
Волк говорит Зайцу:
„Ну, погоди!“

ГДЕ КУПИТЬ ФОТОГРАФИЮ
Артиста?

РОЗОВЫЙ СЛОН

I.
Где баобабы
Вышли на склон,
Жил на поляне
Розовый слон.
Может, и был он
Чутью сер.
Обувь носил он —
Сотый размер.
Умные тигры,
Глупый шакал
Двигались тише,
Если он спал.
Был он снаружи
Чуть мешковат...
Добрые уши,
Ласковый взгляд...

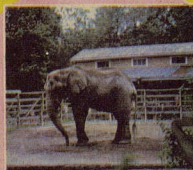
II.
Но наступили
Дни перемены:
Хитрый охотник
Взял его в плен.

Слова этой песни написал поэт Глеб Горбовский, а музыку — композитор Станислав Пожлаков.

В 3 и 4 номерах „Костра“ вы прочли
киноповесть Виктора Голявкина „Боба и
слон“. Наверняка смотрели по телевизору
фильм с таким же названием.

Многим ребятам хочется выучить песню
из этого фильма. Вот она!

И в зоопарке
Пасмурным днем
Стад он обычный
Серым слонком...

Слон улыбнулся,
Слон их простил.
Но почему-то
Слон загнул...

III.
Зря улыбаешь,
Нету беды.
Я-то ведь знаю:
Розовый ты!

Может, случайно,
Где-то во сне
Ты прислонился
К серой стене?

...Добрый мой слоник,
Ты извини:
В жизни бываю
Серые дни.
Скоро подарит
Солнце рассвет:
Выкрасит кожу
В розовый цвет.

О том, как мы работаем, рассказы-
ваем на примере картины «Найди ме-
ня, Леня», потому что почти все вы
ее смотрели.

КАК СНИМАЮТ КИНО

НАЧАЛА БЫЛА ТОЛЬКО РУКОПИСЬ

Писатель Б. Вактин по просьбе
«Ленфильма» написал литературный
сценарий — то есть он пересказал
книгу В. Осеевой «Динка» по зако-
нам кино, так, чтобы по ней можно
было снимать фильм. В январе на
киностудии сценарий прочитали, об-
судили и решили: можно делать кар-
тину. Директор студии издал

ПРИКАЗ

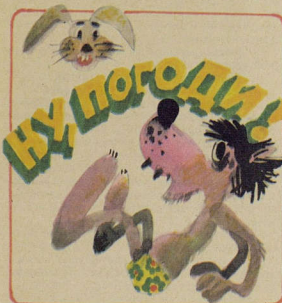
Присутствуя к режиссерской разра-
ботке сценария «Найди меня, Леня»
Срок разработки — 45 дней.
Режиссерскую разработку поручи-
ли режиссеру-постановщику Н. Ле-
бедеву, художнику-постановщику
А. Федотову, оператору-постановщи-

ку С. Иванову, второму режиссеру
В. Лавецкому, директору картины
А. Тарасову. Редактором назначи-
ли Г. Попову.

Это означало, что в течение сорока
пяти дней (включая и выходные) шесть
человек должны думать и
подробно описать на бумаге весь бу-
дущий фильм. Иные говоря — со-
ставить режиссерский сценарий. Вот
как выглядит отрывок из него:

Золотая дана. Хит.	Ср.	С4	— Куда и мы теперь, доченька, — обратился к Динке шаркающий, выйдя на калитку дед.	
Горюха бабу. Дед. Зай.	Ом. Пир Ср.	С4	— К родителям пойти, дедушка, там и народу большой и не так жарко, как тут...	Лисовый муж, на руки пере- шил. Рядом маленький ребенок
			На гороскопе беларе продали ошей, фрукт, желей и бейот птиц, рыбы. Завязают в свои лавки длинными. В ряд: торшеры, лампы, часы и Лена. Он как и в первый раз в своей старой рубашке и штанах. Из темле комнаты рыбы. На потолке мешок рыбы — крутится, и жонглеры — штатные.	Опер: звук
			Ленка дергает в руке рыбку, шаркающая: — Скажи рыбе! Покушайте сиюю, только что из реки, рыбе!	
			Торшеры идут не болбо.	

Это — отрывок режиссерского сценария

Сначала разыскал людей, которые приду-
мали и Волка, и Зайца, и все, что с ними слу-
чается, — авторов фильма — писателей-сати-
риков Феликса Камова, Александра Курьян-
ского и Аркадия Хайта.

Корреспондент киноклуба спросил:

— Как появился на свет «Ну, погоди!»
— Все началось с того, что мы придумали
маленькие сюжеты — на минутку-полторы.
Поскольку все они были связаны единими
персонажами, мы решили объединить их в
один большой фильм. А значит — нужна фра-
за, которая, с одной стороны, показывает, что
сюжет закончился, а с другой — дает возмож-
ность рассказать следующую историю. Так и
возникло «Ну, погоди!»

И сказал «Ну, погоди!» первым, кстати, не
Волк, а Заяц. Знаете, обычно, когда один
малышка обидит другого, этому другому ни-
чего не остается, как пригрозить: «Ну, погоди!»
Только приди в наш двор! Чисто заячья фра-
за...

— А кто такой, по-вашему, Волк?
— Любый хулиган в автобусе, во дворе, в
классе — это наш Волк.

Многие ребята интересуются: как делают мультфильм
«Ну, погоди!» и кто его делает?
Корреспондент киноклуба Лев Садоровский отпра-
вился в Москву.

лос: сорок: фотограф, звукооператор, монтаж, ассистенты и помощники режиссера, оператора, художника, звукооператора, монтажера, администратор, майлара, шофера, портнихи... Образовалась съемочная группа.

Режиссер, народный артист РСФСР Николай Иванович Лебедев, и его помощники стали искать актеров. И здесь самым трудным, как и во всех картинах, где снимаются дети, оказалось выбрать ребят на роли главных героев. На уроках, на репетициях, на концертах художественной самодеятельности просмотрели больше трех тысяч ребят. Сотни ленинградских школьников приехали прямо на студию — читали стихи, пели, танцевали, рассказывали о себе. Наконец отобрано то, кого в киномастерской 1910 года и в гриме сияла на фото- и кинопленку. Но это была только проба.

Восемь девочек и пять мальчиков стали кандидатами на роли Динки и Ленки. А из них после долгого обсуждения выбрали Ларису Баранову и Андрея Трофианова.

В это время художники придумывали все декорации вместе с конструкторами давали их чертежи.

В студийных складах, в комиссион-

ных магазинах режиссеры разыскивали старую мебель.

Портнихи шили костюмы. Операторы подготавливали пленку и кинокамеры, ездили по стране в поисках мест натуральных съемок, которые подошли бы на места, где описывались в книге Осеевой.

Так появились в наших планах город Касимов на Оке. И тут за дело взялись плотники. Построили дачу Динки, старую пристань, рынок, баржу и пароход. Пароход не строили заново, а переделали из старого.

Подготовительный период закончился. Можно начинать съемки.

Начинали с натурой. Группа поехала в Касимов.

АРИФМЕТИКА В КИНО

Почему с натурой?

Потому что в фильме, как вы помните, большинство событий происходит на открытом воздухе. Надо было успеть все снять за летние месяцы, пока не кончатся съемки.

На натуре группа должна была снять 1787 метров. Норма съемок в день — 27,7 метра. Разделим 1787

метров на 27,7. Прибавим выходные и праздничные дни. Получится 64,5 дня.

Такой же подсчет произвели и для съемок в студии — в павильоне. Только норма там побольше, потому что в павильоне снимать легче, — 30,3 метра в день.

Эти метры у нас называются полезными. Из них складывается фильм.

Есть метры, которые не вошли в картину, хотя они тоже принесли пользу. Их называют «лишними». Каждую сцену снимают несколько раз. А в картину берут самую лучшую дубль, где все участники действуют так, как это задумал режиссер.

НО ВСЕ РАСЧЕТЫ БЫЛИ НАРУШЕНЫ

В Касимове группе предполагалось пробыть с 21 июня по 4 октября. Но погода благоприятствовала съемкам, погода хороша играла — закончили к 15 сентября. Экономили 19 дней. С 5 по 27 октября предстояло отправиться в Крым. Там снять все эпизоды с сыном — как он падает в пропасть, как прыгает в скалах. Но оператор отпустил скалы, совсем как крымские, недалеко от Касимова, на

Оке. Там съняли и снимали. Экономили 22 дня.

Группа вернулась в Ленинград, выполнив свой план на 41 день раньше срока. И из «лишних» появилось еще один.

ПРИКЛЮЧ

За досрочное выполнение производственного плана съемочной группы фильма «Найди маму, Ленка!» объявлена благодарность.

НЕ ВСЕГДА ГУДЕЛИ САМОЛЕТЫ

И опыт от съемочной группы остался несколько человек. Выбрали лучшие дубль, соединили в соответствии со сценарием — монтировали фильм.

Смонтировали — стали озвучивать. Но когда актеры говорили, когда снимались Говорили. И мы записали их речь. И у нас есть фонограмма — диктантная планка с записью. Но все, что записывалось на натуре, а не в павильоне, переозвучивалось. Актер, видя свое изображение на экране, должен понимать, что не, что на съемках. Это делается в специальном помещении, где не шумит ветер, не урчит проезжающие машины.

ны, не гуляют летящие самолеты, не может залаять собака или замурчать кошка. К тому же сегодня есть десятки звуков и шумов, которых не было во времена, описанные Осеевой, — хотя бы гудок электрички или гул реактивного самолета.

Наконец, записывается музыка. Теперь весь фильм собирается на киноплёнке: изображение — на киноплёнке, а все фонограмма — на магнитной. Фильм уже можно смотреть, и человек, не посвященный в наши секреты, ничего не заметит.

Павильоны

1. Кухня на даче	36
2. Терраса	112
3. Террасная камера	16
4. Гостиная	222
5. Спальня девочки	16,5
6. Спальня	37
7. Кухня на барже	81
8. Пещера	174,5
9. Соловья	24
10. Бульвар	9
11. Гороскоп в квартире Арсеньевых	81
12. Клоуз капелла	16,6

Итого. 792,5 м

Расчеты в режиссерском сценарии

Но еще надо магнитную фонограмму превратить в оптический и уложить измученной дорожкой рядом с изображением. Вот теперь фильм готов.

НА ВАШИ ПИСЬМА

Киноклуб сообщает, что ни журнал «Юности», ни радионик других журналов открытия киноартистов не выслаивают.

А уж если прислать кого-то в письме выполнить такой заказ, не пиши: «Прошу выслать артистов таких-то...»

Всех по пять штук. Становится очевидно, что артисты — всем уважаемые люди. Никто их не выслаивает. И на шутки не считает.

— Все, что происходит с Волком и Зайцем, мы придумываем или такое же видите в жизни?

— Мы сначала придумываем сюжет, а когда такое же происходит в жизни, говорим: «Это у нас уже было!» Правда, иногда случается и наоборот. Однажды, например, в метро на эскалаторе женщина выпрыгнула корыто. Оно помчалось по ступенькам, сделало подвеску какому-то солидному товарищу, и он в корыте спустился вниз. Мы вспомнили этот случай и появился эпизод: Волк в метро бегает за Зайцем, на эскалаторе вышибает у корыта из рук таз, летит в тазу по ступенькам, сбивает с ног бегемота. И потом, уже из-под бегемота, хрипит: «Ну, Заяц, погоди!» Так заканчивается пятая серия.

Потом наш корреспондент отправился к тому, кто сделал Волка и Зайца такими, какие они есть, — к художнику.

Святовар Кузьмич Русаков, художник-постановщик, как раз работал над эскизами будущей серии.

— Святовар Кузьмич, сколько же таких рисунков потребуется для десятиминутной картины?

— Каждый выпуск — 14 000 рисунков. Это чистовых, а если вместе с поправками, то раз в десять больше. В общем, десять минут на экране — полгода труда.

Режиссера фильма Вячеслава Михайловича Котеночкина корреспондент застал в тот момент, когда он только-только переступил порог своей квартиры и снял туфетки, потому что вернулся из поездки по Узбекистану. Целую неделю солнечный Узбекистан смотрел фильм «Ну, погоди!».

— Почему именно вы стали режиссером этой картины?

— Давно мечтал я о таком фильме.

— Помогает ли вам ребята в работе?

— По поводу приключений Волка и Зайца я выступал однажды по телевидению. Рассказывал о работе над фильмом, я показал несколько картинок, которыми начинается пятая серия. Волк увидел, как Заяц съезжает по перилам, подставил мешок — Заяциска туда попался. Я предложил ребятам придумать способ, как Заяцу освободиться. Через несколько дней мы получили тридцать тысяч сценариев.

Вас не огорчает, что некоторые ребята сочувствуют Волку?

— Не огорчает. Волку сочувствуют, потому что ему слишком достается. Но с хулиганами надо сурово расправляться.

— Кажется, Волк и Заяц начинают уже получать международные награды?

— Начинать. В Кортина де Амьенно проходил международный фестиваль, и наш чет-

вертый выпуск получил высшую награду. Оказывается — это лучший детский фильм о спорте. Кто бы подумал!

Народный артист РСФСР Анатолий Дмитриевич Палапов торопился в Московский Театр сатиры, где он работает. Палапов — это Волк. Вернее — он все говорит за Волка.

Интересно, как к Волку ребята относятся? Волку, наверное, писем не присылает...

— Волк — это не так-то просто... Например, на днях получил письмо, в котором ребята обещают моему Волку учиться только на «хорошо» и «отлично».

Тут еще корреспондент вспомнил о том, что ему рассказало о Палапове Ф. Камоу:

«Палапов недавно в одном концерте объявил так: «Выступает исполнитель роли Волка в фильме «Ну, погоди!» Анатолий Палапов». Он вышел под овации, но обижений. «То ж, — говорит, — я в искусстве больше ничего и не сделал, кроме как за кадром пять раз проорчал...»

Последний, с кем пообщался корреспондент, был Заяц, или Клара Румянова.

Она родилась в Ленинграде, а училась в Москве, в Институте кинематографии. Там, во ВГИКе, играла очень серьезные роли. И в то же время умела подражать детям, даже грудным. Мультипликаторы про это разузнали —

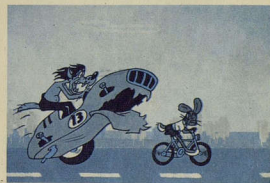
и так мы услышали голоса Чебурашки, и Козлика, который уметь считать до десяти, и Пуровозика из Ромашкова, и Мишонка-Белая Шкурка, и Малыша, который дружит с Карлсоном, — а все это была Клара Румянова.

— Почему на роль Зайца режиссер выбрал именно Вас?

— Наверное, потому, что в жизни я ужасная трусиха. Боюсь темноты, боюсь грозы.

— Как к вам относятся ребята?

— В нашем дворе — дружатся... Представьте: выходит из подъезда вполне солидная женщина, а вслед несется: «Ну, Заяц, погоди!»

Святовар Кузьмич Русаков подарил кино-клубу «Костра» вот этот рисунок к фильму. Он — из будущей серии. Ну, эригелю, погоди!

СЕМЬ

Анатолий Чехов
Рисунки Н. Кустова

ПОВЕСТЬ

ГВОЗДИКОВ

КОГОТОК

— Не летят, — сказал с огорчением старшина пограничной заставы Симуков и опустил бинокль.

Он продолжал смотреть на седловину между вершинами двух ближайших к заставе гор, откуда должны были появиться голуби Снежинка и Коготок.

— Товарищ старшина, разрешите? — попросил Саша.

Симуков молча передал ему бинокль.

Саша навел бинокль на седловину гор и увидел пониже одной из горных вершин дерево — старую арчу, обожженную молнией. На вершине арчи застыл темный силуэт хищной птицы.

— Товарищ старшина! Бердыкльч! На сухой арче Бердыкльч!

— Сидит, разбойник, — с тревогой отозвался старшина.

Саша знал, почему он так сказал. Бердыкльч — сокол. Поселился он в горах неподалеку от погранзаставы. Назвали его так по имени басмача Бердыкльча, разбойничавшего в этих местах лет тридцать назад. Не один голубь был сбит и съеден этим соколом.

Мальчик и старшина Симуков стояли недалеко от окна канцелярии заставы, и Саша слышал, как его отец — начальник заставы капитан Родионов — докладывал по телефону:

— ...точно, товарищ подполковник... Да... Обвалом повредило линию телефонной связи. Старший наряда ефрейтор Мирошниченко только и успел передать, что Альма взяла след. Связь прервана. Разбило батарею питания радиостанции... Жду донесения от Мирошниченко и Титова, они могут послать его только с парой голубей, которых взял с собой по своей инициативе Титов. Застава поднята по тревоге, основные направления перекрыты. Пограничники готовы выступить по первому сигналу. Ждем голубей...

Саша понял: только голуби — Снежинка и Коготок — могут доставить донесение о нарушителях.

Капитан Родионов вышел во двор заставы, осмотрел в бинокль вершины гор, седловину между ними.

— Не летят, — снова произнес старшина Симуков.

— Может быть, у Мирошниченко не только радиостанцию, но и клетку с голубями разбило, — сказал капитан. — Лукашов! — крикнул он часовому на пограничной вышке. — Смотрите хорошенько!

В ту же минуту донесся голос Лукашова:

— Товарищ капитан, Снежинка летит!

Саша увидел над горным перевалом быстро движущуюся белоснежную точку. Еще мгновение — и уже можно различить взмахи крыльев, стремительный полет голубки.

Снежинка пролетела перевал и понеслась вдоль горного склона вниз к заставе.

Саша и без бинокля видел, как сокол, хищно изогнув крылья, сорвался с арчи.

— Саша, быстро ружье и патронташ! — скомандовал капитан, и Саша во всю прыть пересек двор заставы, метнулся в дом. Тут же он выскочил с ружьем, подбежал к отцу.

«Успеем или не успеем?»

Снежинка уже миновала груды валунов на склоне горы. Она будто чувствовала, какие важные сведения несет в портдепешнике под крылом и как ее ждут на заставе.

«Умница! Ну скорее! Ну еще немного!» — повторял Саша, не замечая, что произносит это вслух.

Но Бердыкльч настиг Снежинку. Пытаясь его отпугнуть, капитан Родионов разрядил оба ствола в воздух. Поздно... В воздухе закружилась горстка белых перьев. И всё...

Тяжело хлопая крыльями, Бердыкльч понес свою добычу к перевалу. Все словно оцепенело. Донесение ефрейтора Мирошниченко и солдата Титова унесло в своих когтях пернатый разбойник.

Саша отвернулся от взрослых и молча плакал, вытирая слезы кулаком.

Отец подошел, обнял его.

— Что делать, сынок, — сказал он. — У соколов сейчас такая пора: выкармливают птенцов. Вот и бьют в воздухе все живое.

— Его самого надо убить, — сквозь слезы проговорил Саша.

— По нашим делам — конечно, — согласился отец. — Только не так просто это сделать. Пойди найди, где у него гнездо... Боюсь, что теперь Коготок, если видел, как Бердыкльч сбил Снежинку, на заставу не полетит.

В ту же минуту раздался голос Лукашова:

— Коготок летит!

Коготок — старый опытный голубь. Несколько раз прилетал он из таких мест, что никто на заставе и не надеялся увидеть его снова. Держал на заставе голубей старшина Симуков, который в молодости, когда служил красноармейцем, еще застал время голубиной связи. Он и посоветовал Титову взять с собой в наряд Снежинку и Коготка. Вышло так, что голуби тоже могли сослужить службу. Но долетит ли Коготок? Уж Коготок-то видел, как Бердыклыч расправился со Снежинкой...

Саша надеялся, что Бердыклыч понес Снежинку к себе в гнездо и не заметил другого голубя. Но Бердыклыч появился откуда-то сбоку и понесся на Коготка вдоль склона горы.

Коготок увидел врага вовремя, резко взмахнул крыльями, снизился до самой земли.

Некоторое время не было видно ни голубя, ни сокола. Наконец над валунами показался Бердыклыч и полетел к перевалу. Голубя в когтях у него не было.

Неожиданно Саша увидел Коготка совсем недалеко от себя. Голубь пробиравлся между камнями и волочил перебитое крыло, с каждым шагом быстро дергая маленькой голов-

кой. Саша понял: Коготок теряет последние силы. Голубь заметил мальчика, заворковал. Саша подбежал, взял его на руки, ощутил в ладонях, как бьется сердце Коготка. Увидел капли крови на перьях, бережно поддержал раненое крыло, погладил длинный розовый коготь на лапке, за который голубь и получил свою кличку.

— Ну что ты, что ты! Долетел ведь! Теперь у своих!

Подбежал старшина Симуков, осторожно вскрыл привязанный под крылом портдепешник, достал из него донесение, передал его подоспевшему капитану Родионову.

Капитан отдал старшине приказ, куда ему ехать с солдатами. Пограничники усаkali. Отец обернулся к Саше:

— Сейчас сменится с поста Лукашов. Отнеси, сынок, Коготка к нему, помоги перевязать. Пусть даст воды и корма.

Саша видел, как отец вошел в комнату дежурного по заставе, услышал его голос:

«...Товарищ майор, получено донесение, задержаны два нарушителя — молодой и старый. По-русски не говорят. Наряды отправил на проверку местности. Жду вас, товарищ майор».

Саша отыскал Лукашова, сменившегося с поста на вышке, помог ему перевязать и накормить Коготка, бегом вернулся во двор заставы: не часто бывают на границе такие происшествия, как сегодня. А главное — на заставу приезжает дядя Яша — майор Ковешников.

НАРУШИТЕЛИ

Едва Саша вышел во двор — ворота заставы открылись и въехала машина, из которой выскочили запыленные и усталые Мирошниченко и Титов. Вслед вылезли задержанные ими нарушители — один старый, с бородой, в очень поношенном халате, в круглой войлочной шапочке, другой — помоложе, тоже бедно одетый. Оба почему-то в армейских сапогах.

Это были первые настоящие нарушители, которых видел в своей жизни Саша. Он представлял себе нарушителей совсем другими: с выпученными глазами, с автоматами, винтовками, кинжалами. А эти — совсем без оружия и какие-то странные: стояли посреди двора и кланялись всем подряд.

Прошло несколько минут. К заставе подъехала еще одна машина. Из нее вышел человек в военном обмундировании с погонами майора, в зеленой пограничной фуражке — дядя Яша.

Так уж было заведено: надо допрашивать задержанных на их родном языке — приезжает сам майор Ковешников. Или когда приходят служить на заставу молодые солдаты, он приезжает, чтобы рассказать молодым, как раньше служили, поучить настоящему следователю.

Саша и дядя Яша — большие друзья. И ничего, что Саше одиннадцать лет, а дяде Яше сорок восемь, их дружбе это несколько не мешает.

Чаще всего дядя Яша приезжает на заставу в полевой форме, а сейчас на нем полная парадная форма, даже с оренскими планками на груди. Пограничная фуражка у майора накинута на лоб, под козырьком загорелое горбоносое лицо с глубокими морщинами по обе стороны рта, глаза веселые, с золотыми искорками вокруг зрачков.

Глянув в сторону задержанных, дядя Яша потрепал Сашу по рыжеватым вихрам и негромко, так, чтобы не слышали нарушители, спросил:

— Пароль?

— Следопыт видит все!..

— И ничего не боится, — добавил майор. — Здравствуй, Александр Петрович. Вот мы тут разберемся, что у вас произошло, а потом займемся нашими делами.

Саша хотел ответить, что он вовсе не торопится, подождет, но в это время подошел капитан Родионов и по всей форме доложил

майору о том, что на участке заставы задержаны двое неизвестных.

Дядя Яша поздоровался с ним, подошел к нарушителям и сказал с немалым удивлением, обращаясь к старшему:

— Ключкомбек! Ты ли это? Сколько лет мы с тобой не виделись? Двадцать? Или тридцать? А ты опять к нам пришел?

Ключкомбек поднял руки к небу и, низко поклонившись, ответил:

— Салам алейкум, салам алейкум, господин Ковешников! Какой ты теперь большой начальник стал. И выглядишь хорошо.

Переводчик заставы, старший сержант Мухамедниязов, переводил их разговор капитану Родионову.

— Ну что ж, Ключкомбек, — сказал дядя Яша, — давай рассказывай, зачем к нам пожаловал, покажи, что за товар в торбе притащил. Развязывай мешок, вытряхивай, что там у тебя.

Ключкомбек развязал выгоревший на солнце мешок, весь в заплатах, выложил на стол несколько пар галош, сверток пестрой ситцевой материи, бурдюк с обжаренной бараниной, несколько десятков куриных яиц. Такой же «товар» был и у второго нарушителя.

— В Ашхабад на базар бежали, хотели мало-мало оборот сделать, — сказал Ключкомбек. — Ай, плохо сделали, лучше бы дома сидели...

— Небогатый у тебя магазин, Ключкомбек, — сказал дядя Яша. — Не думаю, чтобы ты из-за такого товара границу нарушал, жизнь рисковал. А ты что скажешь? Как тебя зовут? Почему через границу пошел?

— Ключкомбек все правильно сказал, — ответил молодой. — Бежали немножко в Ашхабад на базар. Хотели мало-мало товару продать, купить то, что у нас дорого. Зовут меня Мураддавлет. Я человек бедный. Ключкомбек сказал: «Пойдем, поможем товар через границу пронести», я и пошел...

— У себя бы и продавали свой товар, — сказал майор. — Зачем ситч и галоши, яйца и коурму к нам тащить? У нас и у самих все это есть и недорого стоит.

— Мало у нас покупают, — возразил Ключкомбек. — Народ бедно живет, денег ни у кого нет...

Капитан Родионов и майор отошли в сторону.

— С такой контрабандой, — сказал дядя Яша, — Ключкомбек лет тридцать назад через границу ходил. Тогда у нас действительно и галош, и ситцу не хватало, с продуктами было. Что-то здесь не то. Не нравится мне вся эта история... Придется, наверное, проехать вместе с нарядами и задержанным к месту нарушения границы. В наряде-то молодые солдаты были...

— А следопыт должен видеть все. Так, что ли? — спросил майор, глянув на Сашу.

Саша ничего не ответил. Как только он услышал, что дядя Яша едет проверять следы нарушителей, он с сильно быющимися сердцем подошел к машине и стал у двери. В машину под охраной Мирошниченко и Титова посадили Клочкомбека. Мураддавлета оставили на заставе.

Майор Ковешников сел рядом с шофером. Саша молча взял двумя руками его руку и так посмотрел на него, что дядя Яша не выдержал, сказал Сашинуotto:

— Разреши уж, Петр Иванович, своему сыну со мной съездить? Поучится настоящей службы, может быть, что сумеет запомнить.

— Балуete вы его, товарищ майор, — только и сказал отец, — смотри, — обратился он к Саше, — от майора ни на шаг и никакого своеволия, делай все так, как он скажет.

Саша мгновенно юркнул в машину и сел на боковое сиденье рядом с ефрейтором Мирошниченко, напротив Клочкомбека.

Было немного страшновато видеть так близко настоящего нарушителя границы, да еще контрабандиста, то есть человека, который незаконно носит через границу товары. Сашу успокаивало одно: по обе стороны и напротив заняли места солдаты-пограничники, а рядом с шофером сидел сам майор Ковешников — дядя Яша.

СЛЕДОПЫТ ВИДИТ ВСЕ

Саша впервые видел так близко настоящую границу. Раньше только с вышки и в бинокль на нее смотрел, а вот быть совсем рядом ему ни разу не приходилось.

Вдоль границы тянется распаханная и выровненная бороной КСП — контрольно-следовая полоса, широкая, как дорога. На этой полосе кто бы ни прошел, кто бы ни прополз — обязательно оставит след.

Советский пограничный столб окрашен зелеными и красными поперечными полосами. Наверху столба, на квадратной пластине из нержавеющей стали отчеканен государственный герб СССР.

А дальше столба и взглянуть боязно: так и кажется, что из-за всех деревьев и кустов с той стороны на тебя смотрят.

Но деревья и кусты по ту сторону границы такие же, как и здесь. На полях работают крестьяне, что-то пропалывают. Виднеется неподалеку от линии границы закордонный пограничный пост с наблюдательной вышкой в виде белого бетонного кубика, поставленного на два других лежащих кубика.

Дядя Яша приказал Клочкомбеку сидеть в машине, оставил возле него часовых-погранич-

ников, а сам с Мирошниченко и Титовым пошел к контрольно-следовой полосе.

— Ответьте мне, почему Клочкомбек и Мураддавелт нарушили границу в наших армейских сапогах? — спросил он.

Высокий, быстрый в движениях Мирошниченко улыбнулся, пожал плечами.

— Потому что наши солдаты в наряд по двое ходят. Нарушители сапоги для того надели, чтобы, если кто из пограничников увидит следы, подумал: «Наши прошли»...

— Правильно, — похвалил майор. — А теперь давайте порассуждаем. Откуда у таких бедняков, как Клочкомбек или Мураддавелт, могут быть наши армейские сапоги? Да и зачем они, к примеру, Клочкомбеку, когда он всю жизнь в самодельных чарыках проходил? Я ведь его тридцать лет знаю. Сколько раз к нам в комендатуру попадал. По бедности мы его и не наказывали. Задержим, проверим, и по приказу погранкомиссара отправляем домой... Какой мы должны сделать вывод?

— Сапоги нарушителям кто-то дал, — ответил солдат Титов.

— Верно. А вот кто и зачем?.. Чтобы узнать это, поедем сейчас к роднику Шадн-Чишме.

— Почему к Шадн-Чишме? — спросили в один голос Мирошниченко и Титов.

— Потому что родник находится у начала горной расщелины, заваленной обломками скал. Из-за тех скал и наблюдать и отстреливаться можно очень даже хорошо. После перехода границы и быстрой ходьбы нарушителям обязательно хочется хоть немного отдохнуть и запастись водой.

Мирошниченко и Титов переглянулись.

— Альма взяла след неподалеку от родника, — вспомнил Мирошниченко. — Но там мы ничего особенного не заметили.

— Посмотрим еще раз, — сказал майор.

Машина проехала несколько километров по бездорожью и остановилась у склона скалистой горы, расщеченной глубоким ущельем, заваленным огромными каменными глыбами. Отсюда и правда было удобно и наблюдать и отстреливаться.

Саша невольно поехал: «А вдруг в ущелье кто есть?»

На этот раз майор приказал выйти из машины и Клочкомбеку.

Саша заметил, как тревожно забегали глаза нарушителя.

Вся группа подошла к вытекавшему из расщелины скалы маленькому родничку, вокруг которого росла зеленая трава.

Майор остановил Клочкомбека и солдат в нескольких шагах от родника, внимательно осматрелся.

И тут Саша увидел, что на влажном песке у самого родника ясно отпечатался след винтового приклада. А у пограничников — ав-

томаты. Как же так? У нарушителей ведь не было оружия? Откуда след приклада?..

— Дядя Яша! Смотрите! Здесь кто-то был с винтовкой! — крикнул Саша. — Наверное, дружинники!

— А может, и не дружинники, — ответил дядя Яша. — А ты молодец, — похвалил он Сашу. — Выходит, не зря поехал.

— А вот и другая винтовка здесь побывала, — сказал майор и показал на маленькое углубление в песке — след рукоятки затвора. — Один — винтовку на приклад поставил, — пояснил он, — а другой — рядом положил. А чтобы песок в затвор не попал, рукоятку затвора повернул... Где-то неподалёку должны быть и винтовки.

Дядя Яша прошел вдоль каменистого склона сопки. Возле зарослей ежевики остановился, крикнул:

— Ключкомбек! Иди сюда!.. Вы тоже идите! — позвал он солдат и Сашу.

Когда Саша подошел, то ничего особенного не увидел: кусты как кусты. Заросли такие, что не продерешься, сплошные колючки. За кустами под склоном горы — груда камней.

— Покажи рукава своего халата, Ключкомбек, — сказал майор по-курдски.

Смысл его приказа Саша понял по тому, как Ключкомбек послушно протянул ему руки, торчавшие из растрепанного обветшавшего халата. Майор попросил всех подойти еще ближе.

— А теперь смотрите сюда, — сказал он, и Саша увидел на колючке ежевики точно такую же, едва заметную нитку, покачивающуюся на ветру.

Майор снял с куста нитку, положил на ладонь рядом с той, которую вырвал из драного халата Ключкомбека. Нитки и по цвету, и по толщине оказались совсем одинаковыми.

Ключкомбек что-то испуганно заговорил. Руки у него затряслись, он стал их то поднимать вверх, призывая на помощь своего аллаха, то прижимать к груди.

— Разбирайте камни, — приказал майор.

Солдаты и Саша бросились выполнять его приказание. Через несколько минут они вытащили из-под камней две винтовки и два подсумка с патронами.

Майор что-то сказал Ключкомбеку, тот затряс головой.

— Ну, тогда проверим... Винтовки не трогать, — приказал он пограничникам.

Ключкомбек понял, что ему не оправдаться, и опустил голову.

Неожиданно для всех дядя Яша попросил у него закурить.

Нарушитель вытащил из кармана табакерку-кабачок, высушенную на солнце, с домашним табаком-самосадом. Майор сделал вид, что недоволен, и Ключкомбек вывернул все свои карманы, показывая, что ничего другого

у него нет. Это, конечно, и без него хорошо знал дядя Яша.

Майор вернулся к месту, где у родника остались следы винтовок, осмотрелся, запустил пальцы в мягкий грунт под кустиком травы и вытащил оттуда смятый окурочек тонкой папиросы с золотым ободком на мундштуке.

Клочкомбек увидел окурочек, упал на колени, затрясся весь от страха и стал что-то быстро говорить.

Майор слушал его внимательно. Потом еще раз осмотрел влажную землю у родника, громко приказал:

— Ефрейтор Мирошниченко! К роднику не подпускать никого. Следы осторожно накройте плащ-палаткой: необходимо сохранить их до приезда капитана и подполковника. Свяжите меня по радиис с заставой. Видимо, придется нам здесь еще поработать... А ты, Александр Петрович, — обратился он к Саше, — как только придет машина подполковника, возвращайся на заставу и жди меня там. Выполняй теперь свое задание.

ЗАДАНИЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Серая ящерица замерла на сером камне, но Саша еще издали хорошо заметил, где она притаилась.

Он осторожно сделал шаг, другой и тоже замер.

Ящерицу теперь стало совсем хорошо видно: глаза у нее прикрыты, кожа на шее пульсирует, рот приоткрыт, — ящерица дышит: ей жарко, как и Саше...

Только он хотел прыгнуть и схватить ящерицу, — она мгновенно юркнула в расщелину.

Саша взобрался на камень и осмотрелся. Стоял он на самой вершине сопки, ему хорошо была видна внизу застава, освещенная жарким туркменским солнцем, а между сопками — извилистая проселочная дорога, по которой должен был вернуться дядя Яша.

Зачем майор остался у родника? Куда поехал отец с комендантом погранучастка подполковником Журбой? Где все солдаты, которые обычно отдыхают днем в казарме после ночных нарядов? И вообще, что сейчас происходит на границе?

Саша знал: у каждого есть важное и ответственное дело. Одного его никуда не взяли, и дядя Яша все не едет...

Саша спрыгнул с камня и увидел, что по тропинке, которая вела от заставы к пограничной вышке на сопке, катит свой шар жук-навозник: передними лапками упирается в землю, а задними толкает и катит его. Трудиться все время вниз головой ему, наверное, неудобно, но иначе он не умеет.

Интересно, куда он его катит? Где дом жука? И какие у них бывают дома? Саша никогда не видел, где живут навозники, и поэтому пошел за жуком.

Но в это время жук сбился с тропинки, закатил шар в высушенную солнцем траву, стал бегать вокруг него, натекать на сухие стебельки. От волнения и спешки он перевернулся на спину и никак не мог встать на лапки, словно делал физзарядку — упражнение «велосипед».

Саша взял палочку, перевернул жука вверх спинкой и выкатил его шар на тропинку. Обрадованный жук снова принялся за свою нелегкую работу.

В это время донеслось настойчивое жужжание.

Саша оглянулся и увидел на высохшей под солнцем земле огромную черную осу с желтыми полосками на брюшке. Оса бегала по одной линии вперед и назад и для чего-то рыла норку.

Сначала Саша решил, что самое лучшее убежать от осы подальше: возьмет и хватит жалом под глаз. Но любопытство пересилило, и Саша подошел поближе. Даже издали он рассматривал, что оса сейчас не до него, настолько она была занята своим делом.

Саша опустился на корточки и стал наблюдать.

Оса с жужжанием вгрызалась в землю, отсаскивая лапками мелкие и крупные комочки, и скоро уже стала скрываться в вырытой ею норке сначала до половины, а потом и совсем.

Несколько раз она выбегала наружу, вытаскивала мешавшую ей землю, потом скрывалась довольно-таки надолго.

Но вот оса вылетела из норки, и Саша решил, что больше ее не увидит. Ничуть не бывало. Оса тут же появилась снова и принесла в лапках большую зеленую гусеницу. Быстро и ловко она затолкала гусеницу в норку, закрыла вход комочками земли и тут же принялась рыть другую норку.

Дядя Яша все не ехал, но теперь Саша повеселел: у него было что ему рассказать: о ящерице, о жуке-навознике и об осе. Все это входило в то задание, которое дал ему майор.

«Стать следопытом совсем просто, — не раз говорил ему дядя Яша. — Для этого надо быть внимательным. Стать же настоящим следопытом — совсем не просто, потому что вниманию от настоящего следопыта требуется каждый день, каждый час, каждую минуту, каждую секунду».

В этом Саша и сам убедился: сумеет следопыт за осой пронаблюдать, значит, сумеет и на кусте ежевики шерстинку из халата Клочкомбека увидеть. И не только увидеть, а и понять, почему она здесь. Все-таки Саше было очень приятно, что отпечаток приклада вин-

товки у родника он тоже заметил и что дядя Яша его за это похвалил...

Только он подумал о дяде Яше, как до его слуха донесся шум мотора, и у ворот заставы в облаке пыли остановился «ГАЗ-69», из которого вышел дядя Яша. Сколько раз было так: стоит подумать о каком-нибудь человеке, — и вот он сам, этот человек...

И Саша во всю прыть припустил по тропинке к заставе.

Когда он вбежал во двор, майора Ковешникова уже обступили со всех сторон солдаты, которые только что вернулись из нарядов или дежурили по заставе. Тут же был и старшина Симуков.

Всем хотелось поскорее узнать, как удалось разоблачить Клочкомбека, на чей след напал майор, когда нашел у родника окурки. Но сегодня майор не был расположен что-либо рассказывать.

— Пока что дело не закончено, — сказал он. — Начальник заставы будет проводить разбор поиска, тогда и узнаете... А сейчас вот давайте спросим у Александра Петровича, что он увидел и что запомнил.

— Ничего особенного, товарищ майор, — ответил Саша. Ему также хотелось расспросить дядю Яшу обо всем, но он знал, что пограничникам лишних вопросов не задают. И Саша коротко рассказал, как хотел поймать ящерицу, а потом увидел жука-навозника и черную осу.

Кто-то из солдат рассмеялся. Старшина Симуков пожал плечами: дескать, нашел, о чем говорить. Но дядя Яша вполне серьезно выслушал Сашин рассказ.

— В норку она яички положила, — сказал он. — А гусеница, парализованная осыным жалом, пойдет на корм ее будущим деткам... Вход в норку она запечатала? Дверь за собой закрыла?

— Запечатала, товарищ майор. Это я точно видел, — обрадованно ответил Саша.

— Обязательно запечатает, — подтвердил майор, — чтоб никто ее деток не нашел, пока они гусеницу не съедят. А когда вырастут, сами кому хочешь отпор дадут.

Старшина Симуков смотрел на майора и улыбался. Дядя Яша заметил эту улыбку и неожиданно спросил:

— А скажи, пожалуйста, старшина, сколько у тебя на заставе серых лошадей, сколько карих и белых?

— Зачем это вам? — спросил старшина, явно выигрывая время, чтобы посчитать в уме.

— Нет, вы сразу скажите, — потребовал Саша.

— Ты, что ли, скажешь? — спросил старшина.

— Скажу. Шесть серых и четыре белых: Орлик, Диана, Лютик и Прогресс. Остальные гнемые, — выпалил Саша.

— Погоди подсказывать, уговора не было, — остановил его майор.

— А зачем мне их по масти считать? — сказал старшина. — Главное, чтоб все налицо и здоровые были.

— Незачем, говоришь? — спросил дядя Яша. — А вот наш общий друг следопыт Амангельды иначе думает... Был я как-то у него. Сидим, чай пьем. Дочка Амангельды Аксолтан в тамдыре чуреки — хлебные лепешки — печет. Амангельды меня спрашивает: «Сколько чуреков насчитал?» А я и не думал о чуреках. «Шесть или семь, говорю. Зачем мне их считать?» Амангельды смеется: «А если диверсанта встретили, тоже не будешь считать? Чурек — хлеб. Стрелять не будет. Диверсант будет. Ай, скажешь, как много диверсантов! Шесть или семь. Надо их поймать! Поймай шесть или семь, а восьмой — бух из винтовки в спину: зачем, скажет, меня не почитал?..»

— Так что ж это, — спросил Мирошниченко, — следопыт всю жизнь все, что видит, хочешь не хочешь, должен подмечать?

— Сначала «хочешь не хочешь», — ответил майор, — а потом так понравится, что само собой получится будет. Зато в любом деле у тебя будет в руках такая точность, что самая малость мимо внимания не пройдет...

— Ну ладно, — сказал дядя Яша, — у вас дела, и у нас с Сашей тоже дела.

Майор обнял Сашу за плечи.

Солдаты переглянулись.

— А что вы думаете? Идем вот с ним сегодня в наряд на границу.

— Настоящую? — у Саши даже дыхание захватило...

— Конечно, настоящую. Так что беги сейчас домой, собери вещмешок и жди команду. Будешь поддерживать связь с ефрейтором Мирошниченко и рядовым Титовым — вместе идём.

Саша вбежал по лесенке на террасу дома начеку, распахнул дверь в свою квартиру:

— Мама! Где мой вещмешок? Давай соберай скорей! Дядя Яша берет меня и Мирошниченко с Титовым на границу!

Мама гладила белье. Она и не подумала бросать работу, искать Сашин вещмешок, а только спросила:

— А Мирошниченко и Титову вещмешок тоже мама ищет?

Саша от досады на себя даже рукой махнул:

— Тыфу ты, — сказал он, — это я по привычке...

Вещмешок оказался за дверью в кухне. Саша достал его и проверил, все ли там приготовлено к походу. Компас, соль, спички, котелок... Потом проверил свое богатство: двух огромных жуков, таких больших, что каждый из них занимал целый коробок. Они способны

были, наверное, и палец прокусить. Слетаясь вечером на электрический фонарь во дворе заставы, эти жуки с грозным гудением, словно самолеты, поднимались в воздух, прятались в листве деревьев.

Саша жуков с собой не взял: на границу берут только необходимое. Не взял он и толстого короткого саранчука, похожего на кузнечика. Оставил дома и засушенную цикаду, похожую на муху с трехкопеечную монету величины. Захватил только самодельный автомат и подсумок со стреляными гильзами.

— Мама, где мой лыжный костюм? Ты брала его стирать, — спросил Саша.

— В шкафу, на третьей полке. Твой костюм — второй снизу.

— А носки? Ты тоже брала их в стирку.

— В туалетном столике, в ящике слева. Твои на самом верху.

Саша в одну минуту отыскал и носки и вдруг поразился простой мысли: оказывается, мама все знала, где что лежит, и отвечала, не задумываясь. Саша решил проверить, так ли это?

— А где папин патронташ?

— На стенке, где и ружье, — тут же ответила мама.

— А охотничий нож?

— В правом верхнем ящике папиного стола.

Саша проверил: все было точно.

— А утюг?..

Утюг был у мамы в руках, и это заставило ее насторожиться.

— Зачем это вам на границу утюг? — спросила она.

— А затем, мамочка, — Саша подбежал и обнял ее, — что ты у нас настоящий следопыт.

— Отстань, пожалуйста, — смеясь, сказала мама, — в своей квартире не трудно быть следопытом. Клади все на место, ничего не будешь искать.

Саша, конечно, знал, что такое «клади на место». Но одно дело, когда другие говорят, и совсем другое, когда сам это поймешь.

— А как это «клади на место»? — спросил он.

— Как отец кладет, — ответила мама. — У него каждая вещь на своем месте лежит, и никогда ничего он не ищет.

Это была истинная правда: у отца все лежало по разделам. В верхнем ящике стола — все, чтобы писать. Во втором — чтобы рисовать и чертить: краски, тушь, готовальня. В третьем — все для рыбалки. В тумбочке — «фото-мото-охота». В одном отделении шкафа — военная одежда, в другом — гражданская. Порядок постоянный и очень удобный. Отец никогда ничего не искал и всегда говорил: «Чтобы положить вещь на место, надо несколько секунд, не больше полминуты. А если не знаешь, где

она лежит, и полчаса, и час ищешь, а то и совсем не найдешь».

Саша только захотел проверить себя, помнит ли он, где у него что лежит, как в дверь постучали, вошел дежурный и сказал, что майор Ковешников и Мирошнинченко с Титовым ждут его в наряд на границу.

ПОГРАНИЧНАЯ НОЧЬ

Они поднялись по тропинке на сопку, выбрали место немного ниже гребня, чтобы не маячить на фоне звездного неба.

Майор Ковешников и ефрейтор Мирошнинченко захватили с собой шинели, Саша и Титов — ватные куртки, лыжный костюм надел Саша на себя.

Все четверо расположились неподалеку от гребня сопки, стали «слушать границу».

У Саши гулко колотилось сердце: так казалось, что вот-вот появится целая банда нарушителей, таких, как Ключкомбек и Мурад-даulet, а то и гораздо опаснее их, а оружия у наряда — только карабин, который прихватил с собой дядя Яша, да два автомата у Мирошнинченко и Титова.

Темные зубчатые вершины гор казались черными на фоне ночного неба. Ярko горели звезды. Саша отыскал ковш Большой Медведицы, проследил за направлением двух крайних звезд, отложил мысленно пять расстояний между ними, отыскал Полярную звезду — главную звезду ночного неба.

Саша уже знал, что, если повернуться лицом к Полярной звезде, впереди будет север, сзади — юг, справа — восток, слева — запад.

Саша определил свое положение по сторонам света, проверил, откуда дует ветерок. Ощущал он его правой щекой. Значит, ветер дул с северо-востока.

Неожиданно для себя он ясно увидел, что по косогору идут люди. Глянул на сидевших рядом Мирошнинченко и Титова. Те тоже заметили движущиеся фигуры. Мирошнинченко выставил вперед свой автомат и хотел было оттянуть рукоятку затвора. Дядя Яша остановил его:

— Гули-кон — телячий цветок — ветром колышет. Я сам сколько раз метелки гули-кона за людей принимал...

«Тыфу ты, — подумал Саша, — как это они не узнали гули-кон?...»

Но Саша тут же заметил, что сам майор осторожно снял затвор карабина с предохранителя и пригнулся у камня, всматриваясь в темноту.

Саша тоже прислушался, но ничего особенного не услышал. Он улавливал лишь едва различимый шорох пересыпающихся песчинок, тонкий посвист ветра в сухой траве.

Вдруг до слуха его долетело словно бы шарканье подошв по камням.

Саша оглянулся: и у Мирошнинченко, и у Титова лица напряжены. Даже дядя Яша всем своим видом выражал внимание.

— Оставляйтесь здесь. Ни в коем случае без моей команды не стрелять, — приказал майор, сам выставил карабин и по-пластунски, удивительно проворно для своего большого тяжелого тела скользнул в темноту.

Без дяди Яши стало страшновато.

Снова донеслось шарканье подошв по плитнику.

Саша похолодел: на фоне звездного неба как будто появилась сначала одна голова в каске, затем другая.

Ни за что на свете Саша не смог бы сейчас двинуть ногой или рукой. Дыхание захватило. Сердце забилось так гулко и часто, что сразу стало жарко.

«Почему никто не стреляет?»

Мирошнинченко и Титов тоже замерли и чего-то ждали.

И тут Саша вспомнил, что майор строго-настрого приказал без его команды не стрелять, но было совершенно ясно: впереди враги.

Из ущелья донесся дикий рев.

Саша вздрогнул и неожиданно для себя तो ли от прохлады, то ли от испуга стал икать. А всего минуту назад ему было жарко.

Рев повторился. Послышался шорох осыпающихся с откоса камней, цокот козых копыт. Саша понял: ревел леопард.

«А что, если леопард нападет? Успеют ли выстрелить Мирошнинченко и Титов? И куда подевался дядя Яша?»

Снова донеслось негромкое шарканье подошв по камням, и теперь Саша совершенно ясно увидел головы диверсантов в военных касках, появившихся черными силуэтами на фоне звездного неба.

Пот выступил на лице и шее Саши. Видимо, не лучше себя чувствовали и молодые пограничники: оба тяжело дышали, еле слышно о чем-то переговаривались.

«Что делать? Где дядя Яша? Не попал ли

Что стало с героем телефильма
„АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА“?
Какие новые испытания и приключения
выпали на его долю?

он в лапы нарушителей? Как его спасти? Как самым встретить врага?»

А уж то, что враги перед ними, это точно: каски Саша своими глазами видел. «Справятся ли Мирошниченко и Титов с нарушителями? Сколько их? Да где же дядя Яша?..»

Неожиданно совсем рядом, в каких-нибудь десяти-пятнадцати шагах от них, кто-то стал чиркать спичками и, как спасение, донесся спокойный и неторопливый голос майора:

— А ну-ка, давайте сюда. Можно в рост.

Пограничники и Саша, удивленные и обрадованные, поднялись, медленно подошли к майору. В ногах покалывало, словно иголками. Не верилось, что никого и ничего не надо бояться.

— Черепахи прогуливались, — сказал майор и снова стал чиркать спичками. — Сколько раз обманывали: шуршат панцирями по камням, ну точно кто идет. Вон, отступают форсированным маршем.

Мирошниченко осветил косогор следовым фонарем и выхватил лучом света двух крупных черепах, проворно уходивших к расщелине. Обе очень походили на перевернутые глубокие миски или военные каски.

— Посвети-ка сюда, сынок, — попросил майор, и сам взял фонарь из рук Мирошниченко, направляя луч света на землю у ног.

Вот они, черепашиные следы, — сказал он. — Здесь были. А наблюдателю вроде головы видны: то появляются, то исчезнут. Когда по плитняку идут, панцирями задевают, от мелких камешков черточки остаются.

— Дядя Яша, а можно нам вот так... фонарем и спичками? — с опасением спросил Саша.

— Сейчас можно. Я уж и сам подумал, откуда здесь люди? А тут леопард заревел. Это он с досады, что добычу упустил. Разозлился и поднял рев. Потом камешки посыпались. В ложине «фырк-фырк», и снова тишина. Ну,

думаю, раз здесь звери, значит, людей рядом нет. Слыхали? Шарахнулись козлы от леопарда, и опять спокойно ходят, щиплют траву. Ветер от них в нашу сторону дул. Пока мы не зашумели, они нас и не чуяли. От леопарда и барса козлы далеко не уходят, а вот когда людей почуют, построятся гуськом — и пошел... и пошел... За несколько километров уматывают.

Майор неожиданно умолк, сделал предостерегающий жест. Все замерли. Дядя Яша лег, как обычно к земле. Точно так же прилегли и остальные.

Все было тихо.

Саша лежал и слушал эту притаившуюся тишину... Пока он ничего не слышал. Тянуло предрабачным ветерком, коленям было жестко и холодно. Чернота ночи стала уже синеть, откуда-то издали донесся шорох осыпающейся по откосу щебенки. Послышался свист крыльев: стая каких-то птиц опустилась неподалеку.

Дядя Яша кашлянул. Птиц как ветром сдуло. Донесли их тревожные голоса: «Тиу, тиу, тиу...»

— Кеклики — горные курочки, — сказал дядя Яша. — Слышали, как они от нас с разговорами... Так вот и определяешь: молча перелетают курочки — от зверя спасаются, с разговорами — от человека. По перелету ку-

ЧИТАЙТЕ в первых номерах „Ностра“ 1974 года документальную повесть Г. Черкашина „МАКАРОВ — АДЬЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА“ о дальнейшей судьбе отважного разведчика.

рочек, поведению козлов и движение нарушителя определяешь...

У Саши все меньше оставалось страха и в то же время — надежд, что вот-вот появится настоящий нарушитель, и он, Саша, совершит какой-то удивительный, очень героический подвиг.

— Дядя Яша, а мы... на настоящей границе? — спросил он.

— Конечно, — ответил майор. — И здесь, на много километров, — граница.

Наступил рассвет, все отчетливее было видно на гребне сопки то место, где еще недавно возились черепахи. Теперь там ничего таинственного не было — обыкновенные камни, обыкновенный плитняк.

Саша поднял голову. Звезды гасли одна за другой. Осталось их на небе совсем мало. Лишь в западной части небосвода ярко горело несколько созвездий.

На востоке небо стало как бы отделяться от гор. За скалистыми вершинами разливалась зоря.

— Ну вот и закончилась наша служба, — сказал дядя Яша, — пора на заставу: капитан Родионов будет сегодня проводить разбор действий пограничников.

— А уже всех задержали? — с удивлением спросил Саша. — Я думал, того диверсанта, который у родника папиросу курил, еще не поймали.

— Поймать-то поймали, — ответил дядя Яша. — Только не худо было проверить, не придет ли еще кто-нибудь. Вот мы и проверяли...

— А поймали-то его как? — спросил Мирошниченко.

— А вот вернемся на заставу, тогда и узнаете...

СЕМЬ ГВОЗДИКОВ

На разбор поиска Сашу не взяли: надо быть солдатом, служить на границе, чтобы участвовать в таких разборах.

— А ты, Александр Петрович, не огорчайся, — сказал ему дядя Яша. — После разбора я тебе знак подам, рукой махну, ты и приходи. А с отцом, думаю, мы договоримся.

Саша сидел в своей комнате у открытого окна и, не отрываясь, смотрел на беседку, где собрался весь свободный от нарядов личный состав заставы.

«Все-таки о ком они там говорят?»

Наконец из-за листьев винограда показалось лицо майора Ковешникова, вот он махнул рукой, — и Саша пудей вылетел из комнаты, побежал к беседке.

Но подошел он к собравшимся там тихо, потому что дядя Яша уже начал говорить. Саша молча посмотрел на отца, взглядом попросил разрешения присутствовать. Отец улыбнулся, так же молча кивнул, и Саша сел на край скамейки, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил дядя Яша.

— ...Этот пример нам ясно говорит, — продолжал майор, — что главное наше оружие — бдительность. Пограничник, как разведчик, должен уметь видеть все... Ключкомбек понял: дело худо — отпираться не стал. А когда окурок увидел, рассказал: «Был, говорит, человек. За то, что через границу его переведем, еще дома денег дал. Нам приказал сапоги надеть, какие советские солдаты носят, и его следы топтать, чтобы след в след шли. Ну вот мы и топтали, пока через границу не перевели».

— Спрашиваю Ключкомбека, какие признаки этого человека? Как одет, где расстались, давно ли?

— Давно расстались, говорит. Далеко. Сейчас не найти.

— Врешь, говорю. Давность следа от того места, где вы сидели, — не больше часа. Веди туда, где он с вами рассчитался, дальше один пошел... Ну, Ключкомбек видит, делать нечего. Повел нас ушельем. По камням да по камням — где уж тут след найти, ни одного отпечатка, — главный нарушитель тоже не лыком шит.

— Больше часа идем, — продолжал майор. — Останавливаем Ключкомбека. «Все ясно, говорю, ты нас обманул». Он на колени: «Начальник, говорит, такие хромовые сапоги у него, какие ваши офицеры носят, только не новые: на каблуках косячки подбиты...» Вот и вся история, — сказал майор, — косячки эти и оказались той самой главной приметой.

— Товарищ майор, разрешите вопрос? — Мирошниченко поднял руку. — Все-таки не очень понятно мне... Мало ли военных ходит в отремонтированных сапогах? Как же все-таки именно по этим косячкам нарушителя нашли?

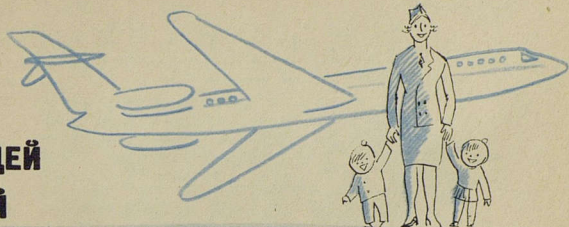
— Так ведь его косячки были маленькими гвоздиками подбиты, — ответил майор. — Мы к роднику вернулись и эти гвоздики посчитали: на правом каблуке — три гвоздика, на левом — четыре. И всего-то семь гвоздиков...

После разбора поиска, когда уже строили боевой расчет, Саша улучил минуту и подошел к майору:

— Дядя Яша, — спросил он, — как же ты отпечатки этих гвоздиков у родника рассмотрел? Мы ведь тоже все там были и ничего не увидели.

— Смотреть будешь хорошо, и ты увидишь, — ответил дядя Яша. — Сейчас нам особенно хорошо надо смотреть...

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ, РАСКАЗАННЫЕ МНЕ БОРТПРОВОДНИЦЕЙ Г. И. ЛЕБЕДЕВОЙ

Г. Князев

Оформление А. Януса

ШТОРМ В САМОЛЕТЕ

Сидим с Галиной Ивановной и старательно разбираемся во всех сторонах ее профессии.

— Мои прямые обязанности, — говорит Галина Ивановна, — заключаются вот в чем. Надо принять пассажиров, рассадить их, проследив за тем, чтобы пассажир А по ошибке не занял место пассажира Б, в связи с чем у пассажира Б может хоть и на минуту, а все же испортиться настроение. Если летим на дальнее расстояние, следует подать обед, но в это время пассажир В, впервые в жизни передвигающийся по воздуху, возможно, почувствует себя неважно и нужно помочь ему словом или даже лекарством. Всем перед взлетом и приземлением раздать конфеты — как известно, глотательные движения смягчают неприятное ощущение в ушах, связанное с перепадом давления. Но как раз в ту минуту, когда нужно молчать и глотать, пассажир Г, впервые

посещающий наш город, вдруг интересуется, какая из ленинградских гостиниц ближе всего к аэропорту. А в это время пассажир Д, демонстрируя соседям отвагу бывалого воздушного волка, отстегнул ремень, крепящий его к креслу, а пассажиры Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н самовольно пересели из правого ряда на свободные кресла левого, перегрузив таким образом на полтонны левый борт. Что еще придумают наши уважаемые гости в нарушение летных правил, угадать заранее просто невозможно, но я обязана все вовремя заметить, предотвратить и исправить. Так, например, однажды...

— Вот-вот, — подхватил я, — чем больше будет этих «однажды», тем интереснее получится ваш рассказ! Итак, однажды, когда самолет набирал высоту...

— Нет, высоты еще не было, наш «ТУ» стоял на земле, а посадка в него задерживалась: метеорологи уточняли погод-

ные условия на трассе. Пять минут, семь минут задержки, и вот наконец трап подан, к нам вливается поток пассажиров. Если бы вы видели, что это за поток! Душевное состояние пассажиров подобно шторму на море: пассажир А, конечно же, с маху уселся на место пассажира Б, пассажир В объявил, что летит в первый и в последний раз в жизни, пассажиры Г и Д обвинили меня заодно уж и в том, что один из них забыл в гостинице электробритву, а другой не застал дома родственников, уехавших на юг...

Не помню, как мне удалось утишить бурю! А ведь удалось все-таки, и сам полет прошел благополучно. Вы, кажется, зевнули?

— Нет, — спохватился я. — Но хотелось бы, понимаете ли...

— Понимаю, — сказала Галина Ивановна. — Наша профессия полна той самой романтики, рассказа о которой вы так ждете.

„ТОЖЕ“ ИЛИ „ТО ЖЕ“

— Летишь, например, ночью, через всю страну, в небе звезды, внизу — россыпи огней. Сидишь, глядишь на всю эту красоту — и вяжешь.

— Чего?!

— Вяжешь, говорю. Я заняно научилась.

— Зачем? Ах, для собственного удовольствия...

— Не только. Бортпроводник должен многое уметь — сообразно нечисленным уменьям пассажиров. Одна старушка у меня так нервничала во время полета, так нервничала, пока я не заняла ее вязанием. И что же вы думаете — увлекся человек, не заметил, как и на посадку пошел.

— Хорошо, но вернемся к романтике. Итак, вы летите, в небе звезды. Дальше, прошу вас.

— А дальше — к примеру, вот что. Однажды садится к нам в самолет некий товарищ средних лет и принимается сразу же после взлета писать письмо. Вскоре я начинаю разносить обед, а у него эта работа в самом разгаре. Вы, конечно, понимаете, если человек пишет письмо на земле — это одно, а в воздухе — другое. Тут не хочется допустить ни малейшей оплошности ни в стиле, ни в орфографии, — ведь подписываешься примерно так: «ваш Коля с борта лайнера «ТУ-134». И вот я балансирую с подносом, а пассажир меня спрашивает: «Будьте добры, как пишется — «то же» или «тоже»?» Я объясняю, в каких случаях так, в каких иначе. Он благодарит — и через минуту спрашивает про

другое грамматическое правило. Словом, в течение следующего полета я изложила ему почти весь курс школьной грамматики. Под конец же этот товарищ говорит: «Послушайте, а не приходило вам на ум послать меня ко всем чертям? Ведь в ваши обязанности совсем не включено изложение сведений, которыми вы сейчас меня просветили». Я отвечаю, что самое главное в нашей работе — хорошее настроение пассажира. Пассажир благодарит за такое разъяснение — и тут же, по рассеянности, опять спрашивает про какое-то трудное слово. Опять объясняю. А самолет слушает и веселится.

— Да, — сказал я, — занятно. Но... Вы лучше про что-нибудь такое-этакое... Ну, в конце концов, опасности, тревожные ситуации бывают же в полетах?

— Как же иначе? Конечно, бывают. Вот недавно, например, летели мы из Алма-Аты в Ташкент. Набрали нормальную скорость — и вдруг...

— И вдруг?.. — замерев, переспросил я.

— И вдруг на руках у одной мамы начинает плакать младенец. Мама пробует его развлечь, я тоже — он ни в какую... Распеленали, проверили животик — мягонький, все в порядке, зубки еще не прорезаются...

— Опустим подробности. Главное?

— Главное, что все время полета до Ташкента малыш плакал, и ни я, ни пассажиры не могли его успокоить. После Ташкента нам предстояло лететь дальше; врач в аэропорту подтвердил, что ребенок

здоров, мать решила отказаться на продолжение полета. И вот тут-то началось самое страшное...

— Так-так, — сказал я, — продолжайте...

— Заплакал второй младенец, у другой мамы, только что севшей в Ташкенте.

— А третий младенец где сел? — спросил я, начиная выходить из себя.

— Вы думаете, что я шучу, а я рассказываю совершенную правду. Третьего младенца не было, но и вдвоем они доставили немало переживаний всем пассажирам. И тут мне в голову приходит простая мысль, основанная на долгих наблюдениях: я ведь летаю уже шесть лет. Мысль такая: люди в полете, даже коротком, знакомятся очень быстро. Беру обоих младенцев на руки, так, чтобы они видели друг друга, — и оба сперва замолкают, а потом начинают улыбаться!

— Чудно, — сказал я, пряча в портфель свои блокноты и шариковые ручки. — Истории ваши необыкновенно волнующи. Какие же еще знания и умения нужны бортпроводнику? Кстати, я играю в шахматы, — это умение пригодилось бы?

— Безусловно, — согласилась Галина Ивановна и вздохнула. — Жаль, я этого не умею. Но зато знаю немецкий и финский языки, смогла бы рассказать об истории петергофских фонтанов, о новых линиях нашего метро, ну, и о старом Петербурге тоже — особенно времен Достоевского.

— Что? Почему именно Достоевского?

— Потому что моя дипломная работа была посвящена его творчеству. Я забыла вам

сказать, что до школы бортпроводников кончила филологический факультет Ленинградского университета.

И ВСЕ-ТАКИ: ОДНАЖДЫ ШЛИ ЧЕРЕЗ ГРОЗУ...

— Да, — продолжила Галина Ивановна, — в детстве я мечтала стать балериной. Потом — физиком. Потом избрала филологию. Сейчас — бортпроводница. И теперь окончательно убеждена: это и есть мое любимое дело, моя цель. А то, что я ее не разглядела сразу и быстро, так ведь не у всех всегда все гладко получается. Главное — нашла!

Тут я решил, что Галина Ивановна несколько «задается». Выходит, что ее профессия чуть ли не значительней всех других профессий на свете. Видите ли, даже филология оказалась лишь подспорьем, промежуточным, так сказать, аэропортом на трассе «средняя школа — курсы бортпроводников»!

— А что! — сказала Галина Ивановна. — Разве токарь, например, не считает свою профессию самой сложной и значительной на свете? Или актер? Я вот в салон вхожу, как на сцену: все на тебя смотрят, ловят каждое слово, — тут уж за всем следи: как идешь, как выглядишь, каким тоном объявляешь скорость и высоту, — важно, чтобы в тебе сразу почувствовали хозяйку, доброжелательную, спокойную, тогда и пассажирам в полете будет спокойно.

На прощание Галина Ивановна добавила:

Фото Ю. Колтуна

— Хорошо, в заключение я все-таки расскажу одну историю из тех, какие вы ждете. Ночью дело было, пассажиры кто спал, кто дремал, а я знала, что проходим район грозы. Красиво так: неподалеку от иллюминатора — молнии... Немного, конечно, не по себе, но терпимо. Прошли грозу. Захожу в кабину пилотов. Спрашивают: «Испугалась маленько?» Я говорю, что нисколько, мне это не полагается по службе. «Молодец, — говорят, а мы тут были немного озабочены: как раз во время вхождения в безгрозовый коридор заклинило руль. Редчайший случай, невероятное стечение обстоя-

тельств! Но ничего, выкрутились. Так что тебе пугаться все равно поздно, иди отдохни».

ТРИ УСЛОВИЯ,

которые следует принять к сведению тем, кто хотел бы СТАТЬ БОРТПРОВОДНИКОМ.

1. Поступающему на курсы бортпроводников необходимо иметь, по крайней мере, среднее образование.

2. Он обязан владеть хотя бы одним иностранным языком.

3. Он должен быть жителем города, где находятся курсы, или его пригородов.

Если эти условия — особенно последнее — вас огорчают, — не унывайте: есть немало других профессий, ведущих в небо.

„СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ“ ИЗ КОМИ-РЕСПУБЛИКИ

В Сыктывкаре синее-синее небо и много солнца. Иной раз сверху налетит сугробы в два человеческих роста и промчит дальше, на север — тогда в городе работают мощные снегоочистители, и улицы становятся ослепительно-белыми снежными коридорами: идешь и жмуришься от солнечных искр на снегу. Из Ленинграда сюда два часа легу. Зимой там и тут мороз, там и тут снег, а вот весной иное дело — на Невском проспекте сухо, зими нет и в помине, тепло, а на Советской улице в столе Коми-республики тротуары, словно снежные траншеи, мороз — 20 градусов, и только солнышко по-весеннему смело ходит по синему небосклону.

Есть в Сыктывкаре улица Интернациональная. А на этой улице помещается школа № 35. Казалось бы, обычная школа. Но вот что в ней необычного — каждый ученик и каждая ученица ведет переписку: кто с зарубежными друзьями, кто — с пионерами советских республик. И многие переписываются на языке своих друзей. К примеру, Катя Шабалкина — восьмиклассница — уже третий год переписывается с бель-

гийцем Базилем Антуаном де Словером.

— Базиль пишет по-немецки, а иногда переходит на английский, а я отвечаю ему по-русски, — рассказывает мне Катя.

— Трудно, наверно, выразить то, что тебя волнует, на чужом языке, — спрашиваю я.

— А что за дружба через переводчицу? С другим надо разговаривать без переводчицы, — возражает Катя. И тут же рассказывает мне о прогрессивной молодежной организации Бельгии, об архитектуре ее городов, обо всем, что узнала из писем Базилья. — Вот и выходит, — говорит Катя, — что расстояние и даже границы — дружбе не помеха. Это подтверждают и другие ребята. Все они убежденные интернационалисты. Видимо, не зря улица, где находится эта школа, названа Интернациональной.

Впрочем, дело не в названии улицы. А в том, что в Сыктывкаре работает, и работает активно, Клуб интернациональной дружбы «Северный олень». И школа № 35 — коллективный член этого клуба.

Клуб этот имеет свою историю. Правда, она еще не

очень-то велика. Ничие киноцпы отпраздновали свой двенадцатилетний юбилей. И рассказывали они мне без тени самоуспокоенности или положенной кинолара усталости не о том, что уже было, а о том, что будет.

Летом на теплоходе «Коми-пионер» киноцпы совершили плавание по Выгчеде и Северной Двине до самого Архангельска: деньги на путешествие сами заработали. А по пути в Коржаме, Устюге выступала концертная бригада КИДА.

И сама могла убедиться, что клуб «Северный олень» — это по-настоящему интернациональный детский клуб.

Я встретила, например, с Борей Кудравичевым из двенадцатой школы имени В. Левского. Боре всего десять лет, а он активист «Северного оленя».

— Мне захотелось иметь иностранного друга, хотя у меня много друзей и в отряде и дома, признается Боря. И я стал переписываться с болгарским школьником Христофором Николовым.

— Вы когда-нибудь видели Василья Левского? — спросил меня Боря и вынул из портфеля блокнот, а из блокнота кон-

Урок болгарского языка проводит Лидия Коласа

Чешский журналист Юлиус Швед стал почетным членом «Северного оленя»

Игрушки для детей Вытанема

На Слете интернационалистов северных городов

верт, где хранился портрет любимца болгарского народа, известного болгарского революционера. — Это прислал мне мой болгарский друг.

В школе, где учится Боря, немало ребят из Болгарии. Они приехали в нашу страну вместе с родителями, которые в Удорской тайге — по соседству с Невенчой тундрой — валют лес. Между СССР и Народной Республикой Болгария существует соглашение по этому поводу. Красно-бело-зеленые флаги Болгарии развешены над лесными делянками. Плакаты на болгарском языке висят рядом с плакатами на языке коми. «Да здравствует мир, труд, дружба!»

Жить и работать вместе, жить и учиться в одной школе — значит, изучать, знать язык друг друга.

Кружок болгарского языка при КИДе работает три года. Его учителя и ученики — сверстники. Болгарские пионеры обучают своих новых друзей. Лягуляну Колеву, их терпеливую маленькую учительницу, вы видите на фотоснимке.

Мария Васильевна Каракова — в прошлом пионервожатая — работает в сыктыв-

карском Дворце пионеров пятый год. С членами КИДа у нее множество общих хлопот. Нет-нет да и просовывается вихрастая мальчишечка или курнатыя девичья голова в двери: «Марь-Васильяна, на минутку! Очень нужно.»

Есть у клуба «Северный олень» почетные члены, например, вождь Кубинского народа Фидель Кастро Рус, венгерский журналист Имре Чабо, заместитель редактора братиславского журнала «Живот» («Жизнь») Юлиус Швед. Все они выступали в «Северном олене».

Киноцпы хранят вымпел, присланный Фиделем Кастро, конверты с его визитными карточками, золотым гербом, увенчанным английской шапочкой свободы.

Как видите, у клуба «Северный олень» много взрослых друзей. Немало и своих сыктывкарских. Они тоже частые гости киноцпы, и каждый помогает ребятам завязать новые знакомства. Вот, например, министр просвещения республики Коми по возвращении из Алена — столицы Именна, несмотря на расстояние, «познакомил» сыктывкарцев с иенменскими школьниками. Теперь переписка Сыктывкар — Алена разрослась. Из Сыктывкара ребята отправили в Именна баннеры с книгами, репродукциями картин, со значками.

Большой друг киноцпы — Валентина Алексеевна Вятзева, доктор географических на-

ук, ректор Сыктывкарского университета. После каждой своей поездки за рубеж она рассказывает на заседаниях «Северного оленя» о том, что видела, с кем встречалась за границей. А еще Валентина Алексеевна так увлекательно говорит о своем родном крае и его богатствах! Любимый киноцпы теперь знает, что Коми-АССР богата «золотом всех цветов» — голубым (газом), черным (углем), зеленым (лесом), желтым (золотоносным песком), радужным (алмазами), мягким (пушиной), белым (энергией тяжелых рек).

Однажды на встрече с доктором биологических наук Михаилом Павловичем Рошевским — он часто бывает за границей и интересно рассказывает о своих странствиях — произошло такой случай.

Ученый говорил о своей поездке во Францию и показывал цветные фотографии. Среди них один пейзаж — яркий, причудливый — особенно понравился всем. И когда докладчик попросил рассказать побольше об этом прекрасном уголке Франции, они услышали в ответ: разве вы не узнали свои родные места? Это же Печеро-Ильосский заповедник!

Удивлению и восхищению ребят не было конца. Ведь надо же! Слово по-новому они увидели красоту своего родного края и поняли: истинный интернационалист — это прежде всего патриот своей родины.

В. Разова

Ленинград — Сыктывкар

* ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ *

Раздел ведет писатель Н. Сладков

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

УДОД

Очень красивая птица. Питается насекомыми и личинками: достаёт их из земли клювом-пинцетом. Ножки у него коротенькие, но по земле бегают ловко. И ловко летает: в полете он похож на огромную пеструю бабочку. Всю весну кричит свое уду-ду-ду! Уду-ду-ду! Часто гнездится рядом с жильем человека. И становится доверчивым, если не обижать.

ВОТ ВЕДЬ
ЧТО СЛУЧАЕТСЯ

РАССКАЗ ГЕОЛОГА

ИЗ „КРАСНОЙ КНИГИ“

КРАСНОЗОБАЯ КАЗАРКА

Краснозобая казарка — перелетная птица, но все ее перелеты — над территорией нашей страны. Зимуют эти птицы в основном вдоль юго-западного побережья Каспийского моря, а с наступлением весны стаи краснозобых казарок устремляются на север, в тундру Западной Сибири. Гнездятся, как и гуси, — казарки ведь из гусиных — небольшими колониями, по 4—5 пар. В открытые гнезда самка откладывает от 3 до 9 светлых с голубовато-зеленоватым оттенком яиц.

Растут птенцы быстро и к середине августа почти все уже поднимаются на крыло.

Взрослые краснозобые казарки окрашены довольно пестро, в черный, белый и ярко-коричневый цвет. Неплохая мишень для охотников, — и охота шла безжалостная.

Сейчас, когда краснозобая казарка внесена в «Красную книгу», принимаются меры по ее охране.

Верно, она красавица?

Правда, она из тех красавиц, которые прекрасны, пока молчат: голос у казарки, к сожалению, малоприятный. Гав-гав, по-сбачи, — вот и весь ее разговор.

Е. Лысов, В. Левин,
сотрудники

Ленинградского зоопарка

Работали мы в тайге, ходили в маршруты. И каждый раз натывались на свежие медвежьи следы. Но увидеть медведя никак не могли.

Скоро нам стало и не до медведя. Начались ливни, и пошли в нашем лагере неполадки.

Были у нас с собой консервы двух сортов: в баночках с красной наклеей тушенка, а с голубой — сгущенка. Все просто: тушенку — в кашу, сгущенку — в чай. И сытно, и вкусно. А как зачастили дожди, наклейки размокли и вовсе смылись. Поди разбери, где теперь тушенка, а где сгущенка? Банки-то одинаковые!

Откроешь одну наобум — тушенка, вторую — опять тушенка! На другой день наоборот: откроешь — сгущенка, еще откроешь — снова сгущенка! То густо, то пусто. И все недовольны.

А тут еще беда на нашу голову. Возвращаемся как-то с маршрута усталые и голодные, а в лагере все вверх дном! Палатки разодраны, все разломано и разбросано. Голову некуда приклонить. И банки с консервами по всей поляне блестят. Но что интересно: ровно половина банок раздавлена и вылизана — и все только сгущенка! С тушенкой не тронута ни одна.

Медведь, конечно, хозяйничал. Его работа. Но как он, косматый, сумел безошибочно определить банки со сладкой сгущенкой?

Посмотрели мы друг на друга и поняли, почему мы ни разу медведя в тайге не встретили. Вон у него нос-то какой: сквозя запяную жуть чует! А нас в пропотелых рубашках он, наверное, за версту обходил. Если не дальше...

Наварили каши с тушенкой и — делать нечего! — стали собираться на базу. И когда уже сели в лодку, в кустах на берегу кто-то насмешливо фыркнул. Медведь, наверное...

Н. Сладков

Как живете, караси?!

Все сильнее морозы, все толще лед на озерах. И вот в одном озерке между льдом и дном так мало воды осталось, что карасям приходится лежать на боку, даже распрямиться нельзя. Наконец выморозило до дна. Тут и конец карасям, погибнут до единого.

А оказалось, живехоньки!

Все в ил зарылись. Оцепенели в иле, словно лягушки. Весной лед растает, нальется водой озерко, очнутся и запрыгают лягушки, заплывают караси. Для такого зимнего оцепенения рыб, лягушек и змей даже есть специальное ученое слово: **АНАБИОЗ**. Запомнили!

М. Зверев

МИГ.

Все лето медвежонок изучал травы, грибы, коренья. А сейчас вот ягоды изучает...

В. Михайлов

„ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ“, КУЛАНУ

Начали приходиться письма о «разумном» поведении наших четвероногих друзей.

Вот одно из них:

«Каждое утро из соседнего двора к нам приходит завтрак кот Орлик, причем свой завтрак он всегда зарабатывает».

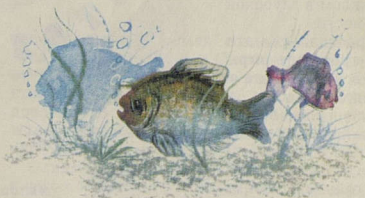
Дрова от сарая к дому я подвожу на санках. Пока накладываю поленья на сани, Орлик садится неподалеку и ждет. Воз готов. Тогда Орлик быстро подходит к саням, встает впереди, точно посередине.

Я толкаю сани, они задевают лапы Орлика, и кот медленно, тяжело ступая, двигается вперед. Шагает и шагает, не отрываясь от саней. По всему видно, что он «везет» дрова и что это не так-то легко.

Доехали до крыльца, Орлик оставляет «упряжку», поднимается на крыльцо и ждет заработанное».

К. Шляпина,
Вологодская обл.

ЖАЛЕЙКИН И СОЙКИ

В 1896 году после многовекового перерыва в Афинах состоялись Олимпийские игры. Если бы они не прекращались, то были бы по счету 668-ми. Однако сами греки считали, что в 776 году до нашей эры олимпийские игры были тоже возобновлены после какого-то перерыва, а самые первые игры были учреждены самим Гераклом в глубокой древности.

Проводились эти общегреческие игры раз в четыре года в городе Олимпии, в Элиде, на берегу реки Алфея, на специально построенном стадионе. Четырехугольный олимпийский стадион был расположен у подножья холма и представлял собой широкую дорожку для бега длиной в стадию — древнегреческая мера длины, равная примерно двумстам метрам. По преданию, такое расстояние Геракл пробежал за один вздох.

Атлеты выходили на арену через туннель. Натянутая веревка обозначала старт, а не финиш, как в наше время. Здесь же стоял четырехугольный столб с надписью: «Побеждай». На противоположном конце дорожки стоял столб с надписью: «Огибай» — этот столб огибали бегуны, состязавшиеся в беге на двойное или большее расстояние. Третий столб возвышался в центре, на нем была надпись «Спешите».

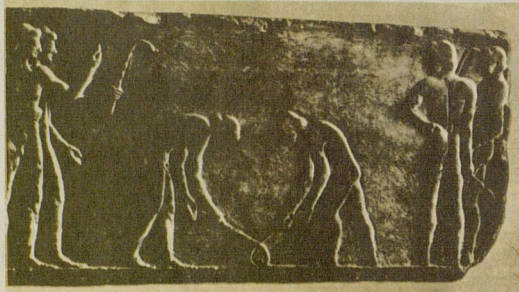

Михаил Еремин

терии заседали судьи. Пританей служил для пиршеств в честь победителей, которым оказывали всевозможные почести, награждали оливковыми венками, ставили памятники, а в некоторых городах Древней Греции даже обеспечивали пожизненным бесплатным питанием. По свидетельству историков, на олимпийских играх выступали даже выдающиеся греческие философы Пифагор и Платон. Победителем, правда, ни тот, ни другой не был.

Олимпийские игры нашего времени происходят, как и в древности, раз в четыре года, но место их проведения меняется. Первые игры состоялись на реконструированном древнем стадионе в Афинах. Этот стадион, построенный много позже Олимпийского, был уже не четы-

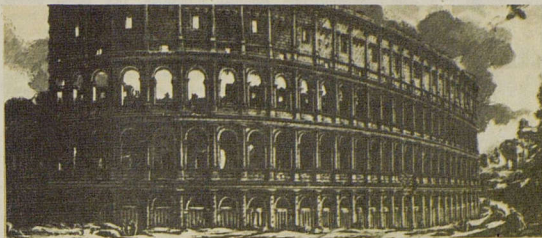
Какие еще сооружения входили в тогдашний олимпийский комплекс? Прежде всего, *гимнасий* — двор, окруженный крытой колоннадой и украшенный портиком. В этом дворе и в галереях проводилась подготовка к соревнованиям. Другой двор с колоннадой — *палестра*, — окруженный раздевальнями, ваннами, душами, использовался как площадка для тренировок борцов и кулачных бойцов. Общежитие для атлетов называлось *леонидайоном*. Рядом со стадионом был расположен *иподром* для конных состязаний. В *буле-*

Доисторическим детям не приходилось зубрить грамматику и решать задачи с иксами и игреками, никто не заставлял их заучивать исторические даты. Зато телесным упражнениям посвящалось почти все время подростков. Чтобы добыть пищу, первобытный человек должен был быстро бегать, метко бросать камни и метать копья, хорошо прыгать и плавать.

При раскопках Кносского дворца на Кипре (месте обитания легендарного Минотавра) найдены помещения, предназначенные для физических упражнений, а также обломки сосудов и фрески с изображением лучников, акробатов и людей, прыгающих через быков.

В конце первого века нашей эры в Риме был построен знаменитый Колизей — многоярусный каменный цирк. Высота здания после надстройки во втором веке четвертого яруса достигала пятидесяти метров. На его трибунах могло разместиться до 87 000 зрителей. Колизей был построен из крупных кусков травертинского камня, из местного туфа и кирпича. После запрещения в 405 году гладиаторских битв, Колизей еще долго служил ареной для травли зверей. В XI—XII веках его превратили в крепость боравшиеся за власть знатные римские роды. В XIV веке в Колизее вновь появились зрители, теперь на его арене устраивали боя быков. И наконец, начиная с XV века Колизей превратился в местную го-

родскую каменоломню — из его стен лаццо. Только в середине XVIII века выламывали строительный материал прекратилось разрушение одного из для постройки дворцов, вилл и па- самых величественных цирков.

реугольный, а подковообразный, но и он был рассчитан на древнюю олимпийскую программу: прыжки, метание диска, бег, борьба, метание копья, кулачный бой. Современные олимпийские виды спорта требовали не обновления старых, а строительства новых стадионов.

В 1908 году к Лондонским олимпийским играм был построен первый стадион с футбольным полем — Уайт-сити. Строительство стадионов было делом новым, и он оказался неудачным. Архитекторы разместили на арене и бассейн, и велотрек, и футбольное поле, и поэтому трибуны были очень удалены от центра арены. На этих играх был проведен первый олимпийский футбольный чемпионат.

VI Олимпийские игры пришлось на самый разгар первой мировой войны, и их пришлось отменить. Во времена древних греков было наоборот — прекращались войны.

Для IX олимпийских игр 1928 года в Амстердаме был построен целый комплекс. Подобно древнеолимпийскому он состоял из собственно стадиона, но уже с футбольным полем и велотреком, и различных спортивных зданий и сооружений: теннисные корты, бассейны, тренировочные залы.

В 1923 году в Лос-Анжелесе был построен стадион вместимостью 76 тысяч зрителей. При строительстве был применен интересный прием: вырыли гигантский котлован в размер аре-

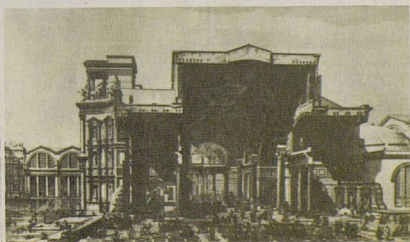
ны и из вынутой земли создали насыпь. Но ведь уже на стадионе в Олимпии трибуны были расположены на склоне холма и на искусственной насыпи по другую сторону беговой дорожки! В 1932 году надстроили еще один железобетонный ярус — таков был Олимпийский стадион этого года.

Олимпийский стадион в Хельсинки, начатый к несостоявшимся XII играм, — опять помешала война — был украшен башней высотой 72 метра, символизирующей тогдашний мировой рекорд в метании копья.

От олимпиады к олимпиаде накапливался опыт спортивного строительства. Происхождение купола теряется в глубокой древности. Но строителям крытых арен приходится сооружать гигантские купола. На Римских олимпийских играх знаменитый инженер-строитель Нерви перекрыл Большой и Малый Дворцы спорта куполами в 100 и 78 метров в диаметре.

Перед архитекторами олимпийских стадионов стоят сложные задачи — как разместить тысячи участников и десятки тысяч гостей. Впрочем, такие же проблемы приходилось решать и в древности. Олимпийские игры, как и в наши дни, привлекали многочисленных болельщиков. Вместимость стадиона в Олимпии в первом веке была доведена до 45 тысяч мест, хотя в городе в то время проживало гораздо меньше жителей.

При императоре Августе в Риме были сооружены первые публичные термы. Первоначально термами назывались простые бани. В эпоху императоров термы превратились в пышные сооружения. Вокруг залов для купания располагались места для гимнастических упражнений, помещения для бесед и эстрады для выступлений ораторов и поэтов. При термах существовали библиотеки, выставки художественных произведений, небольшие театры. Крытые и открытые галереи служили местом для прогулок. Развалины римских бань можно видеть не только в Италии, но и во Франции, Англии и Африке, на берегах Рейна, Мозеля, Дуная.

В эпоху средних веков в Европе излюбленным зрелищем были рыцарские игры — турниры. При этом

не возводилось никаких долговременных построек. Все было очень просто. Место, где должен был происходить бой, окружали высоким забором. Сама арена отделялась от зрителей легкими перилами. Для дам, судей и старейших рыцарей устраивались ложи на деревянных помостах. Программа турниров состояла обычно из конных сражений, битвы на мечах, метания копий, сады деревянных замков, специально выстроенных. Прославленные бойцы странствовали с турнира на турнир, обращая свою виртуозность в нанесении или парировании удара в выгодный промысел.

Особенное распространение, начиная с XV века, получило фехтование. Искусство владения холодным оружием стало необходимо для всех имеющих право на его ношение, то есть для дворян, а впоследствии для горожан, поскольку все ссоры в те времена было принято разрешать на поединках. Особых спортивных сооружений фехтование не требовало. Многочисленные школы фехтова-

ния, существовавшие, кстати, и при большинстве университетов, довольствовались любыми подходящими помещениями: сараями, залами старых замков, перестроенными конюшнями. А сами поединки происходили обычно в укромных местечках, ибо довольно быстро были запрещены законодательствами почти всех стран. Зрителей, за исключением секундантов, соперники, как правило, избегали. Для профессиональных бойцов, членов союзов странствующих фехтовальщиков, показывающих за деньги свое искусство на ярмарках, сооружались на скорую руку недолговечные помосты.

Главные сооружения Мюнхенского олимпийского центра: стадион, Дворец спорта и плавательный бассейн объединены общим покрытием — прозрачной оболочкой, прикрепленной к системе мачт на оттяжках. Пробраз этой конструкции мы находим в Древнем Риме. Всю окрестность Колизея над последним ярусом опоясывал портик. На его крыше во время

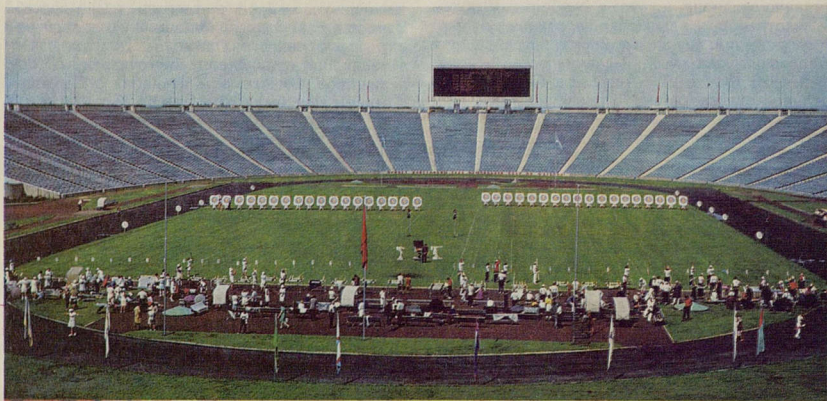
представлений находились матросы императорского флота. Для защиты зрителей от солнца или непогоды они натягивали над амфитеатром огромный тент, прикрепленный канатами к специальным мачтам.

Вперед! XXI Олимпийские игры. Каков будет новый олимпийский комплекс?

Ленинградский стадион им. Кирова расположен на стрелке Крестовского острова. Именно на этом острове в начале века была устроена первая гаревая дорожка, изобретенная знаменитым в свое время сприн-

тером, братом известного архитектора Лидваля. Смелая архитектурная идея нарефулировать, то есть намыть речным песком, чашу стадиона впервые была осуществлена архитектором А. Никольским, К. Кашиным-Лин-

де и Н. Степановым. Около стадиона был запроектирован комплекс открытых сооружений: тренировочных полей, велотрека, бассейнов. Все это еще ждет своего осуществления.

«Гидрограф»

Наш отряд помогал вести проводки к вновь построенному маяку. Отряд изучает телеграфную азбуку, флажный семафор.

Попков Сергей,
отряд «Катамаран-4» (АН-216),
г. Пермь

Выявили все навигационные знаки в радиусе действия нашего отряда. Установили их еженедельный осмотр.

Лалин Сергей.
Отряд «Бедоморец» (МН-27),
п/о Евда Красноробского р-на
Архангельской обл.

В зоне действия отряда два ходовых знака: правого и левого берега. За знаками наблюдаем по субботам.

П. Поповнин. Отряд «Бриз-5»
(АС-132)
Кадыйский р-н
Костромской обл., п/о Ново-Березовец

Наш патруль наблюдает за знаками. Весной мы их ремонтировали, красили, ставили новые фонари.

Ворыханов, «Маяк-2» (МК-337),
г. Владимир

Мы раньше не знали, что у нас, в Томской области, на реках есть острова. Теперь знаем. Операция «Навигационный огонь» идет вовсю. Лучше узнаем свою реку. Мастер бригады бакенщиков обещал повести отряд на самоходке по реке Томи и показать все средства ограждения.

«Отчаянный-1» (АС-115). Томск, 12,
ул. Усова, школа № 50, 6 «а» класс

СООБЩЕНИЕ ШТАБА ЭКСПЕДИЦИИ «ГИДРОГРАФ»

Штаб экспедиции изучил донесения отрядов и считает работу пионеров по проведению операции «Навигационный огонь» очень важной для судоводителей военных кораблей, судов морского и речного флота, рыболовецких судов.

Штаб объявляет операцию «Навигационный огонь» — главным направлением экспедиции «Гидрограф».

Начальник экспедиции контр-адмирал
Н. В. Скоцырев

ПРИКАЗ № 9

1. Бесперебойное действие средств навигационного ограждения особенно важно осенью, когда из-за плохой видимости днем, а ночью из-за темноты судоводители нуждаются в их исправной работе. Всем пионерским постам продолжать операцию «Навигационный огонь» до окончания навигации 1973 года.

2. Доложить, какими методами и приборами можно определить точные координаты (широту и долготу) места корабля в море, места установок маяка или навигационного знака.

3. Назовите крупнейшие звезды и созвездия Северного полушария.

СПАСЛИ ДЕТЕЙ

Наш отряд «Черномор-4» проводил летний гидрографический поход по ручью. На берегу мы заметили шалаш, где сидели две девочки и мальчик. Они играли со спичками. Мы им сказали, что они могут сгореть. Мальчик заплакал. Пришли родители и нас прогнали. Мы пошли дальше. Прошли с полилометра, увидели дым в том месте, где шалаш. Бросились назад. Шалаш горел. Я вытащила девочек, а Надя, помощник командира отряда, спасла мальчика. На девочках обгорели платья, а от шалаша остался пепел. Когда прибежали родители, они увидели своих детей спасенными. Они поняли, в чем дело, кинулись к нам. Но мы повернулись и пошли дальше по ручью.

Навигационных опасностей мы не встретили.

Наташа Черемных, отряд «Черномор-4»,
пос. Комсомол-Абад Сурхандарьинской обл.

Оформление
А. Курушина

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Доблестные рыцари! Сегодня заключительный тур финала. Он выявит чемпионов и призеров, он определит, кому какой присвоить разряд. Но что делать неудачникам? Тяжело разобрать те задания, на которых они споткнулись! Причина ошибок — недооценка возможностей черных, то есть возможностей противника: она приводила к «решениям», которые черные могли бы опровергнуть. Вот эти-то опровержения следует найти, а затем отыскать правильные решения. Очки, конечно, уже начислены не будут, но польза огромная. И потом, не забывайте: не за горами новый год — новый турнир!

Шашечный чемпионат:

№ 1. Белые: a1, a3, c1, c3, e3, f2, g1, g5, h2; черные: a5, b8, c5, c7, d6, e7, f6, f8, h4. Выигрыш.

№ 2. Белые: c1, c3, d4, e1, f2, f4, g1, h2; черные a3, a5, b6, b8, d6, e7, f8, h4. Выигрыш.

№ 3. Белые: c1, c3, e1, g1, g5, h2, h4; черные: b6, c5, e5, e7, f6, g7. В этой позиции ход черных. Могут ли они спастись?

№ 4. Белые: d6, f6, h2, h4, h6; черные: b2, d8, f8, h8.

№ 5. Белые: D1, a5, d4, пр. c5; черные: D1, пр. a7, f4.

№ 6. Белые: d6, e5; черные: a5, b6, d8.

Номера 4, 5, 6 — могут ли белые выиграть?

Шахматный чемпионат:

№ 1. Смотри диаграмму.

№ 2. Белые: Краб5, Фh4, Лg4, Кc1; черные: Крh1, Cf1, Ch2.

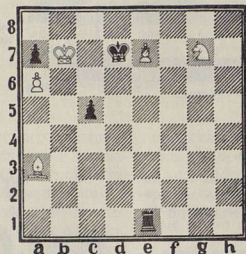
№ 3. Белые: Крf4, Лс6, Са5, Cd1; черные: Крd3, п. d6.

№ 4. Белые: Крd3, Сс3, Сg8, Ке2; черные: Крb1, п. a2, a3.

№ 5. Белые: Крг7, Лg8, Ка4; черные: Крb1, Cf5, п. f2.

№ 6. Белые: Кре2, Ла2, Ла3; черные: Крb8, Лf1, Лf8.

№ 1 — мат в 2 хода, № 2 — в 3 хо-

да, № 3 — в 4 хода, № 4 — в 7 ходов, № 5 — могут ли белые спастись? № 6 — могут ли белые выиграть?

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Сейчас — в октябре — в Гааге играется матч между чемпионом мира по шашкам голландцем Тонем Сейбрандсом и вызвавшим его на реванш прежним чемпионом рижанином Андрисом Андрейко. А до этого шахмат-адмирал Ферзьберн встретился с Сейбрандсом...

Сколько партий будет сыграно в матче?

— Двадцать.

— Сколько нужно выиграть, чтобы быть чемпионом?

— Андрейко должен набрать 10,5 очка, а мне, чтобы сохранить титул, достаточно будет десяти очков.

— Когда и как начали вы играть в шашки?

— Когда мне было 10 лет, я приохотился решать шашечные задачи в газетах и журналах. Мне очень нравилось это: я воображал, будто веду партию белыми, а мой противник — мастер или гроссмейстер. И я всегда выходил победителем (ведь задачи так составлены, что белые могут выиграть). И вот — задача за задачей — я незаметно стал неплохо играть и обыгрывать даже старших

ребят, а порой и взрослых. Записался в клуб, принялся участвовать в турнирах, а дальше все пошло само собой. Ну, разумеется, много занимался — читал шашечные книжки, разбирал партии.

— А какой путь рекомендуете вы читателям «Костра»?

— Такой же! И желаю им больших спортивных успехов!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Это твоё последнее боевое задание перед переводом в рыцари. Ты уже имеешь на своем счету немало побед, но, видимо, не раз оказывался и в плохом положении. А при этом важно не растеряться и всеми силами стараться выйти сухим из воды. Провяй свое искусство!

Белые: Крh1, Лg5; черные: Крh3, Фа2, пп. h2, h7.

Сумеешь ты белыми свести игру вничью?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Турнирные задачи в «Костре» № 8 решаются так:

Шахматы. А. 1. Фh5! Б. 1. Фh1! Лb8 2. Лb6!

Шашки. А. 1. hg7! 2. ed4! 3. ed8X. Б. 1. gf2! 2. cd6 3. ba5 4. ac7X.

Для рыцарят. 1. Крc4! И теперь любой ход черных ведет к пату.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Высылать рапорты (а рыцарям и «Листок учета») до 1 декабря.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимать.

§ 3. Жюри — подвести итоги чемпионата.

§ 4. Всем участникам чемпионата объявить благодарность и в их честь провозгласить архебековский ТРИЖДЫ САЛЮТ!!!

Шахмат-адмирал Ферзьберн

КОНЕЦ БОЛЬШОГО ОРИГИНАЛА

Григорий Голлендер
Олег Тихомиров

РАССКАЗ

Однажды я смотрел телефильм про шпионов.

Том Кросби понял, что ему с подводной лодки живым не уйти. И тогда он задумал ужасное. Он злобно схватил...

— Валера, — слышался тут совершенно нестати голос мамы, — сколько раз я тебя просила — прибей полку в коридоре.

— А молоток есть?

— Вот он, — сказала мама.

«Странно, — подумал я. — Как же она его разыскала? Ведь я его так хорошо запрятал».

— Где ты его взяла? — спросил я, не отрываясь от экрана.

— У соседей.

«Еще не все потеряно, — подумал я. — Одним молотком полку не приколотить. Гвоздей-то нет».

— А вот и гвозди, — сказала мама. — Принимайся за дело.

«Черт бы побрал этих соседей. Все у них есть».

Я бросился в коридор, приколотил полку и через минуту снова сидел перед экраном.

— Что ты сотворил? — раздался вновь голос мамы.

— Прибил полку, — ответил я невозмутимо.

— «Прибил», называется.

— Что, уже упала?

— Взгляни на свою работу.

Я вышел в коридор. Полка была на месте и не собиралась падать. В работе, правда, имелись два маленьких недостатка: полка была прибита криво и вверх ногами.

— Ни о чем тебя нельзя попросить! — досадливо сказала мама.

В это время в двери шелкнул ключ, и тут выяснилось, что полка имела третий недостаток: папа не мог войти в квартиру, потому что полка не позволяла распахнуть дверь...

С того дня я твердо усвоил, что «просить» меня ни о чем нельзя.

Правда, однажды папа сделал еще одну попытку увидеть во мне помощника. Он попросил меня наточить кухонный нож.

— Раз плюнуть, — с готовностью сказал я. Я вообще не отказывал, если меня просили.

— Постарайся, — сказал папа.

— Не волнуйся, — успокоил я его.

Через несколько минут все было готово.

— Пожалуйста, — я протянул нож.

Мама и папа долго пытались угадать, какой

стороной ножа можно было пользоваться раньше.

— Действительно, ни о чем нельзя тебя попросить, — попытался как можно спокойнее произнести папа.

— Я вообще большой оригинал, — с ухмылкой заявил я.

— А как ты это понимаешь? — папа взглянул на меня с некоторым интересом.

— Перво-наперво, делать работу не как все, а творчески. Главное, чтобы все было наоборот. Понятно?

Мама безнадежно махнула рукой, а папа тяжело задумался.

Тут вошла бабушка и попросила меня полить цветы.

— Ты хочешь, чтобы у нас больше не было цветов? — спросила мама.

— Я сам полию, — включился папа, — с ним лучше не связываться.

Папа и мама уже хорошо освоили мой творческий метод, а бабушка была еще неученая.

«Ничего, — подумал я, — учиться никогда не поздно».

— Что же ты стоишь? — спросила бабушка.

— Да вот размышляю, как выполнить твое поручение: то ли протянуть водопровод к подоконнику, то ли сделать люк в потолке, что бы дождь орошал.

Тем временем папа выполнил свою угрозу: полил цветы неоригинальным способом. А мне только этого и надо было.

Тогда бабушка позвала папу и маму в кухню, и они долго о чем-то шушукались.

Назавтра, когда я проснулся, никого дома не было. На кухне обнаружил записку:

«Арелав! Итемдон колотоп,
Инязграз удусоп, исенирип росум,
Идутсо йач.

Амам, апап, акшубаб».

«Что за абракадабра?!» — подумал я и по привычке прочитал каждое слово наоборот:

«Валера! Подмети потолок,
Загрязни посуду, принеси мусор,
Остуди чай.

Мама, папа, бабушка».

Все стало ясно. Я узнал почерк бабушки. Она у меня тоже большая оригиналка.

Еще раз взглянув на записку, я тоскливо попледал за веником.

ОТ РЕДАКЦИИ. Специальный корреспондент „Морской газеты“ побывал в республике Куба. Он встречался с рыбаками, пионерами, рабочими, учеными. Объездил всю страну. Боеводвал с пионерами; надев ласты и маску, охотился за акулами на коралловом рифе; полетал в поисках детских морских рисунков; собирал ракушки и мелких морских животных для Кустакмары...

ЧТО РАССКАЗАЛИ КУБИНСКИЕ ПИОНЕРЫ

Что значат цветные полосы на знаменах кубинских пионеров?

Три синие полосы — моря, добродетель, красота, две белые — мир и честность идеалов революционеров. Красный треугольник с одинаковыми сторонами — равноправие белых, мулатов и негров, пятиконечная белая звезда — наше светлое будущее.

Франциско Гото, 14 лет, Матансас

ФИДЕЛЬ КАСТРО С ДРУЗЬЯМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ ВЫСАЖИВАЕТСЯ НА КУБЕ

Рисунок Адела Палмас, 12 лет

...Я вам рассказан о том, как агенты контрреволюции захватили одиннадцать кубинских рыбаков. Наши суда ловили рыбу, Франкские катера захватили их и увезли команды неизвестно куда.

Тогда рабочие, рыбаки, студенты вышли на улицы Гаваны в знак протеста. Мы, пионеры, были с ними. Наконили рыбаков вернувшись. Оказалось, что их держали в тюрьме на одном из Багамских островов. Вернувшись на Кубу, рыбаки показали народу кубинское знамя. Они и в заточении прятали его от врагов.

Родина или смерть! Мы победили.

Хоакин Гонзалес, 13 лет, Гавана

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ „МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ“

Республика Куба расположена на острове того же названия Куба. С севера берега Кубы омывают воды Мексиканского залива с северо-востока и востока — Атлантического океана, с юга — Карибского моря. Когда-то Карибское море и острова на нем были истинными гнездом пиратов. На Кубе, в заливе Батигано, лежит маленький остров Пинос. Пираты чинили здесь свои корабли и прятали клад. Теперь на острове — плантации сахарного тростника и пионерский лагерь.

Остров Кубу стирал Колумб в 1492 году, во время своего первого путешествия.

Где высадился Колумб

В двух местах на Кубе стоят памятники с одинаковой надписью: «В этом месте такого-то числа такого-то года высадился на берег Христофор Колумб со своими капитанами». Но один памятник стоит в городе Баркоа, второй в Гарделабарке. В чем же дело? Великий мореплаватель не оставил на берегу в месте высадки никакого знака, и жители северо-восточного побережья острова еще в прошлом веке забыли спор: где впервые Колумб ступил на остров? Не перепоручи друг друга, жители поставили в своих городах по памятнику.

БОЛЬШАЯ РЕДНОСТЬ

Водится на Кубе редкая рыба — манхури. Похожа она на щуку и на крокодила. Только для человека рыба эта не страшная совсем, безобидная.

Мясо рыбы очень вкусное. Манхури взята кубинскими учеными под охрану.

Провинция Ориенте

Институт Океанографии Кубы

Штормом западные Гаваны выброшены на берег кит. Это редкий случай, тем более что кит — не простой кит, а бутылконос. У него высокий лоб и всего два зуба, оба — на нижней челюсти. Из кита сделали чучело и выставили его в музей.

Здесь выловлен кит

Место, где водится манхури

Место охоты на акулу

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

Место, где водится манхури

НА КОРАЛЛОВОМ РИФЕ

АКУЛЯ ОХОТА

Больших акул я видел на рифе всего раз-два, а вот маленьких там было предостаточно. Я все ждал: какой спортивный охотников они удивят меня?

Вот на песчаной осыпке греется стайка — небольшие акул-няньки. Лежат бок о бок. Спины коричневые, в пятнах.

Надоело одной акуле лежать, присыпала, пошла прямо на меня. Плывет по краю рифа — слева кораллы, справа — песок.

Вяжусь, выплываю из-за кораллового скалы стойкой рыб-щетиноу. Носы дулоукам, по желтому телу черные полосы. Каждая чуть больше пятака.

«Собачка, думаю, акула им за шею! Только брызги полетят».

Нет. Плывет дальше, щетиноулов слово не замечает.

«Ага, значит, эти для нее — мелочь. Ей давай кит покурнее».

Вот и покурнее: три рыбы-ангела, черные в золотую крапинку. Каждая с тарелку. Эти — уже пойма! Но нет, и на них акула — никакого восторга. «Неужели ищет ростом с собой?»

Дернула акула хвостом, изменила глубину. Плывет теперь над песком, мордой у самого дна водит. Вдруг — раз! — конула песок. Вылетела из него раковина. Акула ее на легу — хруст! — раскусила. Глотнула, плавает дальше.

На песке два бутюра, два морских ежа с короткими иглами. Прошла над ними акула — исчезли ежи.

Досто я за ней наблюдал. Ничего она не брезговала: моллюски, крабы, ежи, креветки — все проглотила. В песок, в траву, в камни свой нос сунула. Так и не удалось мне увидеть акулы охоты — истинной, кровавой, с очтачными схватками, какую описывают в книгах и показывают в кино.

Оказалось, и акулы плавают разные.

Коралловые рифы, провинция Матансас

Гонорар за этот выпуск „Морской газеты“ передает в фонд помощи детям Вьетнама

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Остров Пинос

Поймана черепаха весом больше 100 килограммов. Планиры черепах идут на разные подделки, из мяса делают консервы.

Порт Гавана

В окрестностях Гаваны, у северо-восточного края бухты, построен самый механизированный во всей Латинской Америке рыбный порт. Кубинские рыбаки перешли от прибрежного лова к лову в океане на больших глубинах.

Гаванский порт — главные морские ворота Кубы — расширяется. В его восточной части закончено строительство нового причала. Проект причала разработали кубинские и советские специалисты, а 12 мощных кранов построены для Кубы в Венгрии.

ЧЕМПИОНАТ по ПШЕННОЙ КАШЕ

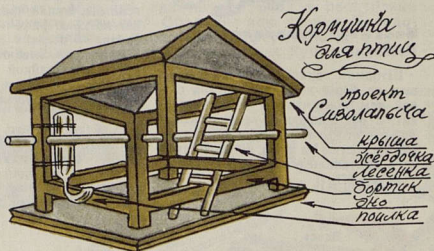
Как вы думаете: можно ли по этому проекту построить кормушку для птиц? Сколько вы насчитаете пересечений и взаимных положений деталей, которые на самом деле невозможны в пространстве?

Однажды за большим столом собрал друзей Гном-Гастроном. При этом домовой Демьяша съел столько же тарелок каши, сколько съел на двоих Звездочет и Лесовик. По-другому сосчитали: Гном с Лесовиком отстали на одну тарелку каши от Хуссейна и Демьяши. Звездочет отстал от Гнома на одну тарелку ровно. А всего они вдвоем, Звездочет и Гастроном, ровно столько съели каши, сколько Лесовик один.

Кто кого опередил?
Сколько съел тарелок каждый?

Составил
и оформил
Вл. Уфлянд

КРОССВОРД „ЖИВОПИСЬ“

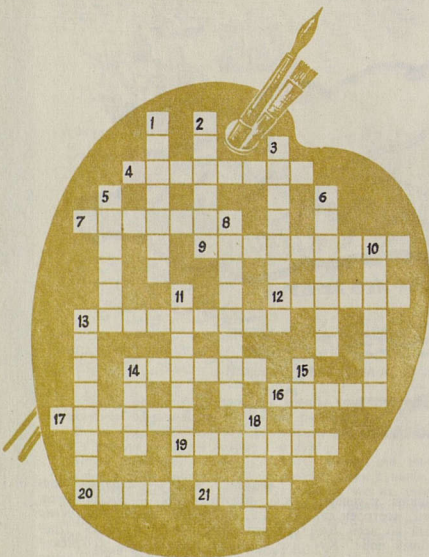
По горизонтали: 4. Картина В. М. Васнецова. 7. Картина М. Б. Грекова. 9. Художник, изображающий животных. 12. Объекты художественной зарисовки. 13. Картина, изображающая предметы. 14. Советский художник, мастер такого жанра. 16. Автор картины «Охотники на привале». 17. Французский живописец-пейзажист. 19. Взаимоотношение цветов картины. 20. Желтая краска. 21. Главная мысль произведения.

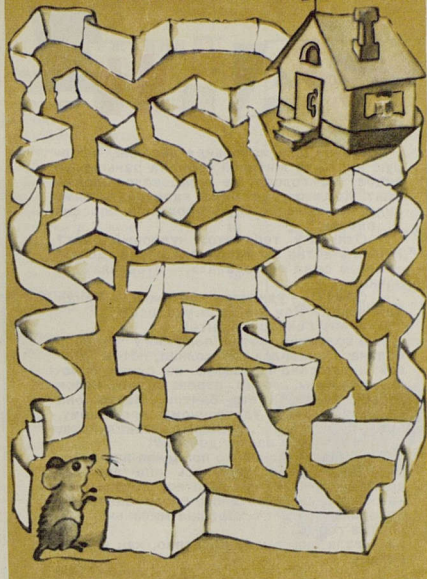
По вертикали: 1. Вид живописного искусства. 2. Материал для живописи. 3. Живописное украшение. 5. Картина А. К. Саврасова. 6. Принадлежность живописца. 8. Выдающийся русский портретист XVIII века. 10. Русский художник, гениальный представитель реализма в исторической живописи. 11. Автор картины «Юнец». 13. Предварительный эскиз. 14. Картина И. И. Левитана. 15. Выдающийся художник-передвижник. 18. Оттенок, цвет краски.

Прислал Владимир Жданко
из деревни Глобочка Витебской области

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 9.

- Фрукты положил Сиволопыч.
- Авторучка.
- Лишние: миска, вешалка. Правило: «Укладывай портфель с вечера».
- Кроссворд «Фауна». 1. Лобан. 2. Дог. 3. Зебра. 4. Цесарка. 5. Варан. 6. Кайра. 7. Кабарга. 8. Шакал. 9. Тур. 10. Тукан. 11. Окапи. 12. Ягуар. 13. Спрут. 14. Марал. 15. Кулик. 16. Сайра. 17. Чирок. 18. Дрофа. 19. Колибри. 20. Афафина. 21. Гиена. 22. Архар. 23. Ара. 24. Фауна. 25. Калан. 26. Клест. 27. Гну. 28. Оса.

8

А вот встреча кошки с мышкой на последней страничке «Уголька» может закончиться совсем не мирно. Помоги мышонку найти дорогу домой.

ХОРОШО ИМЕТЬ ЧИЖА

Хорошо иметь чижа,
Слушать пенье, не дыша.
Не шумите, помолчите:
Очень песня хороша!

Хорошо иметь ежа.
Пусть, иголками шурша,
Он ночами по квартире
Бродит, дом наш сторожа.

Хорошо иметь кота.
Не наскучит никогда.
Он пушистый, полосатый
От макушки до хвоста.

Хорошо иметь шенка,
Отпустить без поводка,
Размахнуться, бросить палку —
Принесет издалека.

Хорошо иметь слона!
Жаль, что комната тесна.
Он бы занял все пространство
От дверей и до окна.

А. Кушнер

БОЛЬШАЯ НОВОСТЬ

Ничего себе дела!
Говорят, земля кругла.

Мне сказал об этом Коля
Из квартиры двадцать шесть.
Я подумал: врет он, что ли?
Но узнал, что так и есть.

Если вы об этом знали,
Что ж мне раньше не сказали?

Я пять лет на свете прожил
И еще четыре дня.
Что земля на шар похожа —
Это новость для меня!

Мама мне в ответ сказала:
В самом деле, стыд и срам.
Почему-то я считала —
Ты об этом знаешь сам!

А. Кушнер

ЧТО В УГЛУ?

Что виднеется в углу
С черной тенью на полу,
Непонятное, немое,
Не пойму и сам какое,
Человек или предмет?
Ах, скорее зажгите свет!

Вдруг оно сейчас подскочит,
Утащить меня захочет?
Вдруг, издав ужасный стон,
Побежит за мной вдогон?
Схватит? Стащит одеяло?
Свет зажгли — мне стыдно стало.
Я ошибся. Виноват.
Это — дедушкин халат!

Встреча

Встретилась
Кошка
С собакой.
Встреча
Закончилась...
Мирно.

А. Шабает

Рисунки Б. Семенова

БАНТ

По улице шла маленькая девочка, которую никто из жителей городка раньше не видел; на голове ее красовался яркий бант. Хотя погода была пасмурная, бант сиял, как солнце. Один прохожий спросил у девочки:

— Откуда у тебя этот чудесный бант? Я очень хотел бы такой для своей дочки!

— А я сама его сделала, — ответила девочка.

— Сама?! — удивился прохожий. — Такая маленькая? Как же тебе удалось?

— А вот сейчас увидите!

Тем временем ветер понемногу рассеял облака. Показался луч солнца, потом другой, и тут девочка, вынув из сумки золотые ножницы, ловко отрезала ими кусок луча и завязала его бантом. Затем она протянула бант удивленному прохожему, сказав при этом: „Возьмите, пожалуйста, и подарите его вашей дочери!“

Я не знаю, насколько правдива эта история. Потому что случилась она давным-давно. Говорят, что девочка смастерила из солнечных лучей много-много бантов и подарила их всем хорошим маленьким девочкам города.

Исчезла она также внезапно, как и появилась.

Даниил Норин

7

Рисунки Б. Семенова

Антон Антонович Антонов!
Фонтан Фонтанович Фонтанов!
Вагон Вагонович Вагонов!
Диван Диванович Диванов!

Рисунки
О. Зуева

Федот Федотович Федотов!
Борис Борисович Борисов!
Компот Компотович Компотов!
Редис Редисович Редисов!

Захар Захарович Захаров!
Фаддей Фаддеевич Фаддеев!
Кошмар Кошмарович Кошмаров!
Злодей Злодеевич Злодеев!

Сысой Сысоевич Сысов!
Болтай Болтаевич Болтаев!
Постой Постоевич Постоев!
Устал — я
— больше — не — желеев...

Александр
Клишпер

СОДЕРЖАНИЕ

Урок на свободную тему стихи Е. Серовой рисунки Г. Ясинского	1
Монголокус рассказ К. Марукаса рисунки Н. Лямкина	2
Под небом Испании очерк Г. Балдуева	14
Костры дружбы очерк О. Орлова рисунков В. Топкова	16
Что посеешь повесть В. Фролова рисунки И. Харкевича	18
Наука — патристике фото Ю. Колтуна	27
Стихи Евгения Фейерабенда рисунков Н. Флоренской	28
А вы как думаете? беседа писателя Б. Никольского	29
Киноклуб оформление Г. Никеева	32
Семь гвоздиков повесть Анатолия Чехова рисунки Н. Кустова	36
Захватывающие истории записки Г. Князева оформление А. Януса	47
„Северный олень“ из Коммунального очерк В. Разовой	50
Зеленые страницы ведет писатель Н. Сладков	52
Стадионы и столетия рассказывают и показывают А. Изюмко и М. Еремич	54
Конец большого оригинала рассказ Г. Голлендера и О. Тихомирова	57
Арчебек шахматы и шашки	58
Экспедиция „Гидрограф“	59
Морская газета оформление Р. Попова	60
За семью печатями	62
Уголёк журнал для малышей	63

Главный редактор С. В. Сахарова

Редакция
Л. С.
Л. Н. П.
рова, Н.
(ста.
Н. А. Х.

Художник
М. С. Б.

Рукоп.
Адрес
Т.

М-57040
сано к
Печ. з.
экз. Зап.

Ленинград
Союзного
Комитета
издателей
Ленин

ДЕРЕВЯННАЯ ПУШКА

Однажды к Шамилю, который вел долгую войну с царскими войсками, пришел воин-чеченец.

— У тебя нет пушек, великий имам, — сказал он. — Прикажи, и я построю большую пушку. И тогда мы ударим с гор по царским полкам.

— Хорошо, — сказал Шамиль, — делай. Посмотрим...

Горцы были бедны железом, поэтому чеченец выдолбил две половинки твердого чинарового дерева и связал их. Получилась пушка! Зарядили деревянную пушку круглыми камнями, а изобретатель залез на дерево, чтобы лучше видеть,

что там натворит пушка в лагере неприятеля. Раздался страшный грохот. Изобретатель свалился с дерева. Попадали вокруг разорвавшейся пушки зеваки и прислуга.

Шамиль рассердился.

— Я велю казнить тебя, — крикнул он неудачнику. — Ты едва не побил моих воинов!

Изобретатель потер большую шишку на лбу и сказал:

— Будь справедлив, о великий имам, если мое орудие здесь натворило такое, то что оно наделало в царском лагере?!

Рисунок М. Беломлинского

98

На выставке „Костра“ рисунки Ивана Ивановича Харкевича

Нахимовское озеро

у причала

Наташа Озерова

